
МАРИЯ
АБДУЛОВА
ЕДИНСТВЕННАЯ.
БОЛЬШЕ НЕ ОТПУЩУ
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
18+

Мария Абдулова

Единственная. Больше не отпущу

https://litres.ru/74755499
SelfPub; 2026

Аннотация

Тогда для неё - юной, светлой, чистой девочке, подруге моей младшей сестры, - не нашлось места в моём мире.

Она любила меня, я принимал.

Она хотела быть со мной одним целым, я же хотел обладать, а не принадлежать.

Она мечтала стать для меня единственной, родной, своей. Той, кто мне нужен не был.

А теперь Спустя все эти годы я узнаю, что у неё есть дочь. Моя копия.

Содержание

Глава первая. Своя правда - это… 5
1.1 5
1.2 9
1.3 13
1.4 17
1.5 22
Глава вторая. …это чужая ложь 27
2.1 27
2.2 31
2.3 35
2.4 40
3.1 46
3.2 51
3.3 55
3.4 60
3.5 64
4.1 68
4.2 73
4.3 78
4.4 82
4.5 86
Глава пятая. Чужой (не) навсегда 91
5.1 91

5.2 97
5.3 103
5.4 107
5.5 111
5.6 116
Конец ознакомительного фрагмента. 121

Мария Абдулова
Единственная.
Больше не отпущу

Глава первая. Своя правда - это…

1.1

Наши дни

Ну, зачем, Тамерлан? Ну, зачем ты пришёл?

- Мамочка, кто-то нам звонит! - выбегает из детской дочь.

Взъерошенная после сна, в смешной пижаме с зайцами в ночных колпаках, почему-то в одном носке и с куклой в руках. Барсик, потягиваясь всем телом, выходит следом за ней и недоумённо смотрит на меня. То ли не понимает почему я замерла посреди кухни, то ли почему его миска всё ещё пуста, если я стою рядом с ней, то ли почему в такую рань (а десять часов утра для него это самая что ни на есть рань) к нам домой пытается кто-то пробиться.

Не смотри так, Барсюша. Я понимаю, но признавать не хочу. *Его* видеть не хочу.

- Маааам, я хочу откры…

- Нет! - оживаю резко и, выбежав в прихожую, перехватываю её почти у самых дверей. - Нет, родная, не нужно.

Вновь раздаётся трель дверного звонка на всю квартиру.

Лале также, как и кот, непонимающе переводит свои чёрные глазища с меня на дверь и обратно.

- Почему? Вдруг это тётя Лина с Ясей?

- Вот и именно что "вдруг", а вдруг это не они? - вымученно улыбаюсь и под очередной звонок ставлю дочь на ноги. - Лучше беги к себе, хорошо? Собери рюкзачок на прогулку, включи себе музыку, выбери наряд…

Стоит только напомнить про наши планы, как она мгновенно забывает о неожиданных и незваных гостях и мчится к себе, на ходу звонко приказывая умной колонке включить её любимый плейлист. Плотно прикрываю за ней дверь в детской и поворачиваюсь к входной.

А звонок всё не успокаивается.

Может, не открывать всё-таки? Только чем это поможет? В любом случае нам нужно выходить на улицу да и с возможностями Баграева он наверняка уже владеет всей информацией о том, где я работаю, в какой детский сад ходит Лале, и найти нас где-то ещё ему не составит никаких трудностей.

Чёрт.

А если там, за дверью, всё-таки не он? Вдруг это, правда, Каролинка с дочкой? Они, конечно, не предупреждали, но…

Глубоко вздыхаю, собираясь с силами. Ладно, гадать можно бесконечно, но от неизбежного это не спасёт. Нужно хотя

бы посмотреть в глазок, чтобы…

Чтобы удостовериться в своих опасениях, увидев через него размытое изображение мужской фигуры в чёрном.

Оглянувшись на закрытую дверь в детскую, вздыхаю ещё раз и тянусь подрагивающими пальцами к замку.

Щелчок.

Ещё один.

Взмокшая ладонь скользит по гладкой ручке и я вцепляюсь в неё добела, игнорируя зашедшееся в панике сердце. С заплатками, но целое в отличие от того, в каком состоянии оно было в нашу последнюю встречу и тем более после.

Почти пять лет прошло. Пять! Счастливых, наполненных радостью и любовью, а сейчас он снова на пороге и…

С трудом сглатываю и тяну дверь на себя.

И, да, как мне и показалось вчера, он ничуть не изменился. Высокий, из-за чего мне что тогда, что в эту минуту приходится запрокинуть голову назад для зрительного контакта. Большой. Брутальный. Статный. Смуглый. Черноволосый. Невероятно эффектный в своей восточной хищной красоте. Те же обсидиановые глаза с длинными ресницами, передавшиеся нашей дочери. Густые брови, высокие скулы, ухоженная щетина. Губы… Тоже те же самые, мне ли не помнить.

Смотрит на меня тяжело сверху вниз, запустив одну руку в карман пальто, а другой опираясь на стену рядом с дверью. Нависает, давит своей энергетикой, которая по ощущениям

стала ещё невыносимее и опаснее, чем была, и всем собой перекрывает пути к отступлению.

Будто без этого у меня была возможность сбежать, ага.

Скользит чернотой своих глаз по мне, изучая, кажется, каждый сантиметр. Делает это так свободно и открыто, словно право имеет. Молчит. Такой чужой, такой далёкий, такой, как и тогда, не мой, и… И как же мне от этого спокойно, если не считать страха за дочь. Как же, оказывается, хорошо и приятно его больше не любить! Даже ненависти и той не осталось. Лишь одно желание - чтобы он снова исчез. Навсегда.

Разве я многого прошу?

По сравнению с тем, что просила пять лет назад почти ничего.

- Здравствуй… - голос звучит ровно, едва ли не с безразличием. - …те, Тамерлан Заурович.

1.2

Он поднимает тяжёлый взгляд к моим глазам и впивается в них так, что приходится крепче вцепиться в ручку двери.

Старший брат моей бывшей лучшей подруги, любить которого до потери пульса и быть с которым мне было нельзя не при каких обстоятельствах, который разбил не только сердце, но и всю меня, растоптал гордость, сломал, а вчера вновь встретился на пути да ещё и не только мне, а нашей дочери, которой для всей его семьи и для него в частности официально не существовало. Потому что не хотел. Потому что просто не нужна. Ни я, ни она. Стоит в шаге от порога, на котором я рыдала несколько лет назад навзрыд, ждала его, хотя бы звонка, хотя бы сообщения, хотя бы одного слова. Грёбаного пробела и то, кажется, мне тогда было бы достаточно, чтобы вернуться, но… Нет, не дождалась. Как же хорошо, что не дождалась, спасибо, Господи!

- Чем обязана?

Баграев на секунду переводит глаза мне за спину, пытаясь в небольшой щёлке в проёме двери разглядеть что внутри, и, не сумев увидеть ничего интересного, кроме стены прихожей с бежевыми обоями, снова смотрит на меня.

- Нужно поговорить, - выдавливает хрипло.

Эхо разносит его низкий, густой голос в привычном приказном тоне по подъезду, а во мне… Не отзывается. Совер-

шенно. Хоть обводи сегодняшнюю дату красным в календаре и празднуй этот счастливый момент.

- Не вижу для этого причин, Тамерлан Заурович.

- Маруся…

Невольно хмурюсь, уловив угрожающие нотки в звучании своего имени.

Раньше на меня бы это безусловно повлияло, слишком большой разрыв был между нами в чувствах, в статусе, да и в возрасте, сейчас же меня не волнует ни то, что он глава одного из самых влиятельных кланов в области, ни всё та же одиннадцатилетняя разница в годах, ни его отношение ко мне. Настолько, что та Маруся Ласточкина, готовая бежать к нему по одному зову, как слепо преданный щеночек, себя бы такую не узнала, а я ещё как узнаю и больше подобного терпеть не собираюсь.

- Вы меня не услышали? Мне ещё раз повторить?

Конечно, вряд ли я в своих домашних топе и шортах да ещё и босиком выгляжу, как он, грозно и опасно, но меня это опять же мало волнует. За себя и дочь, как говорится, без разговоров и сразу в упор.

- Мне нужны ответы. Сейчас же.

- Я чем тут могу помочь?

- Ты? - Тамерлан жёстко усмехается. - Скажешь, что та девочка из супермаркета, с которой ты вчера сбежала, не твоя дочь?

- Моя, - киваю уверенно. - Только опять же не понимаю,

почему вас это волнует.

- Она моя копия, Ласточка.

Поджимаю губы, не зная, чем крыть этот очевиднейший факт. Успел разглядеть всё-таки. Понял. Хотя, если его и Лале поставить рядом, то даже тест на отцовство не нужен. От меня в ней с рождения разве что только характер да манера сидеть, подтянув под себя ногу, а в остальном… Да, как бы это не было горько признавать, полностью папина копия.

- Из-за этого она моей дочерью быть не перестаёт. Только моей, Тамерлан Заурович, - специально выделяю, давая понять, что для меня этот вопрос не подлежит обсуждению. - На этом всё? До сви…

Хочу закрыть двери, но Баграев резко подаётся вперёд и хватается за неё, не позволяя закончить начатое. И, к сожалению, разница в телосложении и простой физической силе на его стороне, из-за чего сдвинуть дверь с места я больше не могу.

- Ты смеёшься надо мной? - протягивает он тоном, не обещающим ничего хорошего. - Думаешь, что после этого я просто развернусь и уйду?

- А почему бы и нет? Не вижу никакой проблемы, которая бы мешала вам это сделать. Вас же никто не держит, Тамерлан Заурович.

Обсидиановые глаза напротив опасно вспыхивают, но я лишь упрямо вздёргиваю подбородок.

- Не вынуждай меня прибегать к мерам, которые тебе не

понравятся. Давай решим всё по-челове…

У меня вырывается смешок.

- По-человечески? Теперь мне кажется, что это вы надо мной смеётесь.

Когда я хотела по-человечески, надо мной поиздевались, выкинули за дверь, а потом ещё и угрозами с деньгами хотели заставить пойти на аборт. Хотя, зная семью Баграевых, чему я удивляюсь? Мы всегда понимали и видели эту жизнь по-разному, жаль только что, чтобы это понять мне пришлось пережить свой личный ад.

- Ты… - он с силой тянет воздух и прикрывает глаза, сжимая пальцы на двери, как и я на её ручке, до побелевшей кожи. - Маруся, либо ты рассказываешь мне о дочери, которую родила по какой-то причине в тайне от меня, либо я узнаю всё сам и дальнейшие решения по этой ситуации я тоже приму сам. Повторюсь, они тебе не понравятся.

По какой-то причине? В тайне? Узнает всё сам? Примет решение сам? Да он…! Он…!

- Тамерлан, ты надо мной издеваешься?! - не выдержав, повышаю голос. - К чему это представление?! Чего ты хочешь добиться? Чтобы я деньги вернула? Что?! Что. Тебе. Нужно?

1.3

Мужчина открывает рот, чтобы ответить, но потом вдруг себя останавливает и непонимающе хмурится. В очередной раз окидывает меня взглядом, будто хочет понять в своём я уме или нет. Оттягивает от шеи ворот водолазки, словно ему дышать нечем. Снова глубоко вздыхает и закрывает-открывает глаза.

- Какие деньги? О чём ты? Я хочу понять, почему только сейчас узнаю о дочери… Нашей…

- Моей!

- Нашей! - рычит. - Дьявол, нашей дочери!

Запрокидываю голову назад, сдерживая поток матов. Вряд ли соседи обрадуются, услышав в безмятежнее субботнее утро, как я на всю округу посылаю прямым текстом не кого-то, а самого Тамерлана Зауровича Баграева. Да и дочка… Испугается же моя малышка. Она так тонко меня всегда чувствует…

И он здесь… Какие деньги, спрашивает. Понять хочет. Нашей, говорит, дочери. Нашей!

Хоть клоунский нос надевай под стать своим ощущениям.

- Тамерлан, если это розыгрыш, то мне не смешно. Правда. Мы столько лет не виделись и давай не будем ничего менять?

- Нет.

- Забудь, что нас видел, - продолжаю стоять на своём. - Просто забудь.

- Нет.

Как всегда, упрям до невозможности.

- Обещаю, больше мы тебе не…

- Я. Сказал. Нет.

Господи, дай мне сил!

Хочу честно ему сказать, что мне плевать, но в этот момент из квартиры напротив слышится звук открываемой двери и я не придумываю ничего лучше, кроме как посторониться и кивком пригласить его внутрь своей квартиры. Нашей с Лале крепости. Ещё не хватало, чтобы люди судачили о том, как глава семьи Баграевых называет при всех мою дочь нашей. Мне-то всё равно на слухи, но если кто-то ей об этом скажет? Как мне быть тогда? Лучше пусть он продолжает это шоу на моей кухне, а дочка…

- На кухню проходи, - киваю вперёд по коридору.

Тамерлан окидывает взглядом прихожую. Что рассмотреть хочет? Новый ремонт с меблировкой? Но, нет, акцентирует его лишь на детской шапочке, лежащей на тумбочке, и составленной в ряд моей и дочкиной обуви. Снова смотрит на меня, ощупав глазами с головы до ног, как будто с долей недоверия и чем-то ещё, что я знать не хочу.

- Что? - вопросительно вздёргиваю бровь вверх.

- Вы одни?

- Нет.

Он сжимает челюсти и отворачивается.

Что за вопросы дурацкие? Нас здесь много - я, Лале, Барсик, и мы в тельняшках!

Дожидаюсь, когда он всё-таки проходит на кухню и, напустив на себя спокойное, расслабленное выражение, захожу к дочке, которая, слава Богу, из-за музыки у себя в комнате не слышала ни единого нашего слова и предлагаю наведаться в гости к Каролине и её малышке-Лаленой одногодке и по совместительству лучшей подружке.

- Ура! - радуется моя принцесса и, прежде чем повиснуть на мне обезьянкой, сгребает в охапку половину своих игрушек.

- Ненадолго, хорошо? Я… Разберусь с делами и приду за тобой.

Она кивает, как болванчик, а стоит только подруге открыть соседнюю дверь, как тут же расплывается в счастливой улыбке и тянется к ней с объятиями.

- Тётя Линочка, а мы к тебе в гости!

Поймав её на лету, Дёмина смеётся и ласково, как своего родного ребёнка, прижимает к себе.

- Какие вы молодцы! Конечно, заходите! - переводит взгляд на меня и её солнечная улыбка слегка меркнет от беспокойства. - Маруся? Чего стоишь как чужая?

- Каролиночка, можно Лале побудет у тебя минут двадцать-тридцать? - перехожу сразу к делу.

Подруга, видимо, что-то уловив в моём голосе, оконча-

тельно перестаёт улыбаться.

- Конечно, что за вопрос. Ты… Всё хорошо?

- Потом, родная, ладно? Пожалуйста.

Она кивает и я выдыхаю. Шлю им обеим воздушный поцелуй, машу на прощание рукой и возвращаюсь обратно к себе. В звенящую тишину и давящую атмосферу, пропитавшуюся Баграевым насквозь за всего каких-то пару минут его нахождения в этих стенах.

1.4

Он сидит на стуле за столом, занимая собой добрую половину нашей небольшой кухни, и сверлит взглядом холодильник, который от и до обклеен дочкиными рисунками и фотографиями. Вот она совсем малюсенькая, завёрнутая в розовое одеяльце, только после выписки из роддома, вот уже старше - смешная, беззубая, в панамке и с морем на фоне, вот ещё больше - со мной и мамой в обнимку.

Тамерлан изучает каждый снимок и рисунок, будто хочет запомнить наизусть, и моё появление замечает не сразу, а когда замечает, то, не отвлекаясь от своего занятия, лишь криво усмехается:

- Спрятала?

Я не тороплюсь отвечать и прохожу внутрь, садясь напротив него. Барсик запрыгивает на соседний и, уставившись на Баграева недобрым и немигающим взглядом, как и полагается единственному мужику в доме, даже такому маленькому и четырёхлапому, всем своим видом даёт понять, что тому тут никто не рад.

Вот бы ещё на Тамерлана это имело хоть какой-то эффект… Но старания котёнка я запоминаю. С меня причитается, Барсюш.

- Сколько ей? - мужчина с трудом отрывает глаза от фото и переводит их на меня.

- В марте будет четыре.

Он выдерживает паузу, видимо, подсчитывая, и кивает, будто мне нужно его подтверждение своим словам. Весь же он Баграев!

- Как её зовут?

- Лале.

- Какое у неё отчество?

- У Лале нет отчества.

- Нет?! - давит своим недовольным грозным прищуром, но меня таким не проймёшь.

Уже давно, кстати, и я это с удовольствием демонстрирую, спокойно отвечая:

- Нет. Нет отца и нет отчества. Всё просто.

Тамерлан темнеет лицом. Хищные черты становятся ещё более острыми и проступают желваки.

Усмехаюсь, откидываясь на спинку стула.

А что? Разве я не права? Я её выносила, я её родила, я её вырастила и я же её продолжаю растить. Я не спала сутками, когда у неё болел животик, резались зубки и, когда в первый же день своего похода в детский сад, она подхватила ветрянку. Я и только я делаю всё, чтобы дочка ни в чём не нуждалась. Я выполняю почти каждый её каприз. Я раз за разом терпеливо втолковываю ей что такое хорошо и что такое плохо и отвечаю на миллионы “почему?” каждый день. Я, ясно?! Так почему моя Лале должна носить в качестве отчество имя человека, который хотел от неё избавиться?

С меня хватит того, что внешне она истинная, неподдельная Баграева.

- Нет отца? - чеканит, кажется, едва сдерживая эмоции. - А я?

- Не помню у тебя желания им быть.

- А я не помню, чтобы ты хотя бы дала мне шанс им стать! - всё-таки выходит из себя, с грохотом хлопая ладонью по столу. - Почему?! Почему, Ласточка?! Как ты могла?!

Значит, снова я во всех грехах виновата, да? Возвращаемся на почти пять лет назад? Даже формулировка вопроса и та слово в слово! Только вместо его квартиры - моя, ноги-руки-сердце целы и нет желания свернуться клубком и больше никогда не открывать глаза.

Замечательно! Просто прекрасно! Я же так соскучилась быть у Баграевых козлом отпущения!

- Как я могла? А себе этот вопрос задать не хочешь? Матери своей? Сестре?

- Причём тут они?!

Из меня вырывается смешок, потом ещё один и ещё. Чувствую себя сумасшедшей. Такое ощущение, что мы из параллельных измерений и каждый говорит о своём, или что у кого-то из нас амнезия с шизофренией. Как ещё объяснить его неподдельное непонимание, я не знаю.

- Тамерлан, слушай, мне ещё пять лет назад хватило издевательств от всех вас, больше не хочу. Ещё раз говорю, давай, разойдёмся и забудем друг о друге. Ты без нас прекрас-

но жил, мы ещё лучше. Зачем это всё сейчас? Вопросы эти с претензиями… Призывы к ответу… Если нужно деньги вернуть, то я верну. Соберу всю ту сумму и верну. Могу даже в том самом конверте.

Я его зачем-то сохранила. То ли в качестве напоминания о том, к чему никогда не нужно возвращаться. То ли как память о чувствах, которые, слава Богу, прошли и что-то подобное я больше ни к кому не испытывала. То ли просто как тщеславное доказательство тому, что я смогла, справилась, сдержала обещание быть счастливой вопреки всему, данное себе и дочке.

- Да какие… - поток мата на своём. - ... деньги?! Какой конверт?! Причём тут это всё?! Я о дочке, а ты…

- Может, хватит ломать комедию? Тебе не идёт, Тамерлан, - разговариваю с ним, как с маленьким, чувствуя себя врачом для душевнобольных. - Я разве от тебя что-то требую? Обвиняю? За эти годы ты, вообще, хотя бы раз о нас слышал? Нет же, правильно? Я просто хочу, чтобы всё осталось, как было, понимаешь? Мне, правда, ты не нужен в качестве Лаленого отца, можешь не переживать. Хочешь расписку напишу, что ни на что не претендую?

- Какого… Что ты несёшь?! - цедит сквозь зубы Баграев, вне себя от бешенства. Даже тогда, в приступ ревности к Тахаеву или в злости из-за Аланы я его таким не видела. Кажется, ещё немного и как зверь на меня бросится. - Ты сейчас специально меня из себя выводишь?!

Я запускаю ладонь в волосы, отводя их от лица, шумно вздыхаю и понимаю, что, всё, лимит моего терпения исчерпан.

1.5

- Значит так, мне это надоело, пошёл вон отсюда! - киваю в сторону выхода. - Я тебе всё сказала! Мне. Ничего. Не. Нужно. Просто исчезни, как тогда исчез и всё! За чистоту своей крови, наследство или за что ты там ещё переживал, когда платил мне за аборт, можешь не переживать. Нет никакой у тебя дочери! Тогда, почти пять лет назад, вся вышла, ясно?! - отрезаю жёстко, подавшись вперёд и ничуть его не боясь. - Будь уже достойным человеком, каким себя считаешь, и просто пропади с глаз моих пропадом! Не хватает совести и сил признать, что поступил, как последний подонок тогда? Мои какие проблемы? Сейчас тебе что от меня нужно, а? Что?! Ты хотел, чтобы я исчезла и избавилась от “проблемы”? - киваю на свой плоский живот. - Я исчезла! Да, “проблему” решила по-своему, но точно не для того, чтобы иметь на тебя влияние! Не веришь? Мне плевать! Повторюсь, я тебе всё сказала! Делай-думай теперь что хочешь, но, имей ввиду, молчать и всё принимать, как раньше, я не буду! За Лале и тебя и всю твою семейку в клочья порву!

Резко поднимаюсь на ноги, чтобы просто напросто его отсюда выставить. Как, учитывая разницу в телосложении и силе, понятия не имею, но терпеть и впустую терять время, разговаривая с человеком, который этого не заслуживает и которого я уже давно из своей жизни вычеркнула, не собира-

юсь. Хватит с меня!

Но Тамерлан мои планы не разделяет и продолжает сидеть, никак не реагируя на мои слова. Смотрит только на меня, не отрываясь и выглядя при этом так, будто… Будто его чем-то тяжёлым по голове огрели, когда я к нему ещё даже пальцем не прикоснулась. И это… Странно. Где крики? Обвинения? Где этот его гнев, с которым он ещё пару минут назад по столу кулаком долбил? Где?! Что, чёрт возьми, за дела? Очередной спектакль? Но… Разве можно так натурально играть?

- Ла… - начинает, но голос вдруг трескается и срывается. - Ласточка, я не… - снова тянет ворот водолазки. - Я не… Делал… Никогда… Я не… Я не знал, что ты… - опускает глаза на мой живот. - Я не знал о ней.

- Тамерлан… - тяну предупреждающе. - Хватит, слышишь?! Хватит! Я обрывала тебе телефон, искала тебя по всему городу, когда узнала, что беременна, а потом, поняв, что это бесполезно, написала смс твоей сестре и она заявилась ко мне вместе с вашей матерью и деньгами на аборт от тебя. Как ты мог не знать? Тебе что, память стёрли? Или…

У него кровь отливает от лица. В обсидиановых глазах шок и неверие с искрами ярости. Ладони обессиленно то сжимаются в кулаки, то разжимаются. И смотрит, смотрит, смотрит… Насквозь увидеть что ли хочет? Да пожалуйста! Мне больше после нашего вчерашнего столкновения скрывать нечего.

- Всё, Тамерлан. Слышишь? Всё. Уже почти пять лет как - всё. Хватит. Уходи. У нас своя жизнь, планы, дела, в которые ты не вписываешься. Уверена, у тебя тоже. Поэтому… - многозначительно киваю на выход. - Давай попрощаемся.

- Нет.

- Тамерлан, я серьёзно.

- Я тоже, Маруся. Нет. Прощаться мы не будем.

- Ну, уйди по-английски как тогда, в чём проблема? Будь уверен, останавливать и бежать следом не буду.

На крови ему поклясться что ли в этом?

- Пока я не узнаю… Всё не узнаю, - пригвождает он. - Не уйду.

- Да чтоб тебя! - злюсь и, за неимением другого варианта, подхожу к нему, наклоняюсь и смотрю на время на его наручных часах. - Тамерлан, вот без шуток, у меня нет возможности с тобой разбираться! И так уже времени много потратила на бессмысленные разговоры, как ты это понять не можешь? Уйди!

Баграев упрямо молчит, не прекращая сверлить меня взглядом, в котором вдобавок ко всему прочему добавляется ещё и недовольство.

Не нравится, что так разговариваю и выгоняю? Мне тоже много что не нравится и не нравилось, особенно тогда, когда он считал меня лживой девкой с низкой моралью, а его мать таскала меня за волосы, как эту самую девку, но я это пережила и он мои слова переживёт, не сахарный.

- Окей, ладно, меня ни во что не ставишь, но о ребёнке, которого вдруг ни с того ни с сего своим стал считать, подумай хотя бы! У Лале занятия через полчаса, на которые нельзя опаздывать, а ты нас задерживаешь!

- Занятия?

- Да, художественный мастер-класс для деток.

- Я… - сглатывает. - Хочу с вами.

- Прекрасно, хоти дальше, вообще, делай что хочешь, мне плевать, просто сейчас уйди, ладно?

Благо торговый центр, где будет проводиться занятие, находится в соседнем квартале и далеко идти не надо, но нужно же успеть собраться! А Лале у меня та ещё модница. На выбор одних носков может эти самые полчаса потратить, не говоря обо всём остальном, а он сидит тут, видите ли! Объявился на мою голову! Тоже мне, папаша года!

- Там… Куда вы пойдёте… У тебя будет возможность продолжить разговор?

Уже открываю рот, чтобы зайти на второй круг спора со словами “да о чём нам ещё разговаривать?!”, но цепляюсь глазами за минутную стрелку и чертыхаюсь. Нет у меня на это времени! Просто нет!

- Если скажу, что да, уйдёшь?

Пока Лале на занятии, у меня будет почти целый свободный час, который я планировала потратить на шоппинг, но теперь с удовольствием посвящу его посыланию Баграева обратно в его, отдельную от нас, жизнь.

- Торговый центр “Звёздный”. Итальянский ресторанчик на втором этаже. Жди меня там.

- Я могу вас отвез…

- Ты можешь просто уйти, Тамерлан, - жёстко отрезаю, смотря ему в глаза и напоминая о реальности, а то похоже забылся. - На это ты имеешь право. Дверь знаешь где.

Разворачиваюсь и под злющим взором чёрных глаз несусь к себе в спальню. Скидываю пижаму и, замерев перед шкафом на пару секунд, вытягиваю из его недр красный объёмный свитер, чёрную юбку длиной до середины бедра, тёплые колготки в тон свитеру. Полностью накраситься уже не успею, только разве что губы, ну да и ладно, я и так богиня. Только нужно не забыть расчесаться, а ещё заплести свою принцессу и…

Прокручивая в голове план действий, на миг даже забываю о Баграеве за стенкой, а когда вспоминаю, то его на кухне уже не нахожу, лишь Барсика, с подозрением тянущего лапу к киндеру на столе, которого до этого не было.

Тот самый киндер между прочим. На покупке которого Лале вчера со всей своей детской непосредственностью Тамерлану настаивала, но я её забрала и сбежала домой.

Вздыхаю, смотря на сладость.

Всё из-за тебя чёртово шоколадное яйцо!

Глава вторая. …это чужая ложь

2.1

Нет, всё-таки как же круто и приятно иметь настоящих, чутких и преданных тебе всей душой подруг!

Пока я разбиралась с Тамерланом, Каролина, мало того что за Лале присмотрела, так ещё и заплела её и подарила новые носочки с клубничками. Теперь и у моей, и у дочери подруги есть одинаковые носки, чему обе наши принцессы рады до визга.

- Каролин, ты лучшая, ты же знаешь, да? - искренне говорю я, забирая счастливую донельзя Лале с двумя красивыми французскими косами.

- Ты не даёшь мне об этом забыть, Ласточка, и напоминаешь изо дня в день, - весело смеётся она, держа на руках свою прекрасную Жасмин, при этом внимательно заглядывая мне в глаза.

- Люблю тебя! Жас, - тянусь к её дочке и целую в пухлую щёчку с очаровательной ямочкой. - Ты прелесть, вся в мамочку! Спасибо вам ещё раз! Увидимся позже, хорошо?

- Лале, я тебя жду! - машет ручкой малышка Лины. - Мы вас любим!

- И мы! - вторит ей моя, да так громко, что нас, наверное,

весь подъезд слышит и, кое-как расставшись, мы, наконец, возвращаемся к себе.

Довольная косами и новыми носками, дочка даже особо не капризничает и с поразительной для себя скоростью выбирает себе наряд. Надевает белое платьице с белыми колготками, а сверху, видимо насмотревшись на меня, тёплый ярко-красный объёмный свитер с вышитым рисунком вишни на рукавах. Выбражуля моя маленькая.

- Мамочка, мы с тобой вишенки! - хихикает, крутясь перед зеркалом, пока я натягиваю свои высокие чёрные кожаные сапоги.

- Правда?

- Да! Смотри, ты в красном и я! Мы вишенки! Нужно фото для бабули сделать?

Опоздание опозданием, а селфи в зеркале по расписанию.

Вдоволь нащёлкавшись, мы из дома не выходим, а выбегаем, и, оставив машину на парковке во дворе, несёмся на занятие пешком, потому что так будет быстрее. И только на середине пути я понимаю, что за нами неотрывно следует тот самый автомобиль, на который смотрела ночью из окна и приняла за такси.

Значит, не просто так мне казалось, что из него за мной наблюдают. Значит, не паранойя. Это Баграев, кажется, просидевший у нас под окнами всю ночь.

И я, правда, не знаю, какой из этих двух вариантов хуже.

- Мам, а давай потом, после занятий, тоже купим новые

носки мне и Жасминке? Только не с клубничками, а… - дочка приставляет пальчик к своим губкам-бантикам, задумываясь. - А с конфетами! Или с хлебом!

- С хлебом? - удивляюсь.

- Ну, да, с тем кривым и вкусным.

Пару секунд трачу на загрузку, чтобы понять какой кривой и вкусный хлеб она имеет ввиду, взгляд цепляется за вывеску пекарни на противоположной стороне улицы и до меня, наконец, доходит.

- А, ты круассан имеешь ввиду? - улыбаюсь, поправляя на ней шапку и отвлекаясь от преследующего нас чёрного мерина.

- Да-да! Кривой и вкусный! Его сегодня тётя Лина ела и мне предлагала, но я отказалась, потому что не хотела кушать, а ещё Жас…

Под её рассказы, которым никогда не было конца и начала, добираемся до точки назначения за три минуты до начала. Благо, организаторы и ведущие - люди понимающие, сразу видно, что профессионалы своего дела, и встречают нас чуть ли не с распростёртыми объятиями, мгновенно находя с Лале общий язык. Она у меня, вообще, ребёнок очень контактный и обожающий общение с кем бы то ни было, с детства душа компании, и сейчас без труда вливается в коллектив, привычно всех очаровывает и, помахав мне ладошкой на прощание, заходит в зал к остальным деткам. Пять минут стою, наблюдая за ней через приоткрытую дверь и, по-

няв, что дочке вполне комфортно и интересно, возвращаюсь к ресепшену, чтобы оплатить мастер-класс.

- Назовите имя ребёнка, пожалуйста, - вежливо улыбается администратор, одновременно щёлкая компьютерной мышью.

- Лале Ласточкина, - возвращаю улыбку ей в ответ и уже тянусь ладонью с зажатой в ней картой к терминалу, как девушка меня останавливает.

- Эм… Но уже всё оплачено.

2.2

- Что? - не понимаю я. - Вы уверены? Может, какая-то ошибка? Мы пришли меньше десяти минут назад и не могли оплатить занятие заранее.

- Сейчас я посмотрю ещё раз…

Она с ещё большим рвением принимается щёлкать мышкой, хмурится, водя глазами по экрану, и, когда спустя несколько секунд вновь поднимает их на меня, становится ясно, что никакая это не ошибка.

- Оплата занятия, подарков после него, которые оплачиваются отдельно, и годовой абонемент к нам на индивидуальные занятия тоже с подарками и по премиум-пакету, с возможностями которого вы можете ознакомиться на нашем сайте, была произведена пятнадцать минут назад. Именно за Ласточкину Лале. Других детей с таким необычным и красивым именем у нас нет.

Опускаю ладонь с карточкой и на миг прикрываю глаза.

Баграев! Снова он со своими деньгами лезет в мою жизнь!

Будто его кто-то, чёрт возьми, просил! Будто мы нуждаемся! Будто имеет право оплачивать занятие моей дочери, от которой сам же хотел избавиться!

Да я его…!

Резко выдыхаю, стараясь успокоиться, открываю глаза и, попрощавшись с администратором, спускаюсь на этаж ниже,

где находится тот самый итальянский ресторанчик, в котором приказала ему меня ждать.

Из-за недавнего открытия да и достаточно раннего для субботы часа внутри заняты всего два стола. За одним, у самого входа, двое мужчин, по одному взгляду на которых, понимаю, что это охрана Тамерлана, а за другим, рядом с панорамным окном с видом на оживлённую дорожную развязку, он сам.

Перед ним чашка чёрного кофе и больше ничего, даже телефона и того на столе нет, что удивительно. Весь из себя такой солидный, влиятельный, красив до невозможности. Возраст добавил ему ещё больше мужественности, шарма уверенного в себе, сильного, властного мужчины и усилил восточную опасную харизму. Через два года ему будет сорок, а я помню его ещё двадцати девятилетним в нашу первую встречу. Как же, кажется, давно это было… Будто в прошлой жизни.

Он, стоит мне оказаться внутри ресторана, как и тогда, больше десяти лет назад, в ту роковую первую встречу, поворачивает в мою сторону голову и смотрит на меня, не отрываясь, пока я, стуча каблуками и снимая на ходу шубу, иду к нему. Поднимается, когда приближаюсь, хочет помочь с верхней одеждой, но мне эти расшаркивания не нужны, поэтому, приветливо улыбнувшись проходящему мимо официанту, передаю шубу ему и, проигнорировав Баграева, сажусь напротив. Передо мной тут же другой официант ставит ка-

пучино и, попросив дать ему знать, если что-то ещё понадобится, оставляет нас наедине.

- Вот скажи мне, Тамерлан, - начинаю, взяв в руки кружку, и откидываюсь на спинку стула. - С чего ты взял, что можешь решать за меня, а?

Мужчина обводит меня - распущенные волосы, лицо, полупрозрачный ягодный блеск на губах, одежду, закинутые нога на ногу, взглядом, от которого пять лет назад я бы с головы до пят покрылась мурашками, а теперь, будучи крайне необделённой вниманием противоположного пола, даже ухом не веду.

Хочет смотреть? Пусть смотрит сколько душе угодно. Тем более что посмотреть есть на что.

Я красива, я сексуальна, я уверена в себе и в своих силах. Я молодая женщина, которой шеи вслед сворачивают. Я та, кто сделала себя сама, и уже давно не та бедная, нескладная, худая студентка, на которую обратил своё драгоценное внимание старший брат её лучшей подруги - взрослый, богатый и влиятельный человек, и она из-за него потеряла голову. Я теперь сама кому угодно могу её вскружить и заставить забыть своё имя.

После нашего расставания, якобы аборта и переезда на другой конец страны, мне больше не хотелось плакать. Мне хотелось рвать и метать. Я так злилась, так ненавидела его и всех Баграевых вместе взятых, проклинала день, который меня свёл с ними, что аж трясло. Потом, после рождения

дочки, не то что злиться, даже думать о них стало некогда. В какой-то момент и вовсе, не помню точно когда, вдруг поймала себя на мысли, что не вспоминала об отце Лале, о его семье, о сценариях, прокручиваемых без конца в голове, по которым они рано или поздно пожалеют обо всём, уже очень давно. Очень. Ни любви, ни ненависти, ни желания отомстить. Ничего не осталось. Лишь картинки в памяти и маленькая принцесса, обожающая засыпать у меня на руках.

Переболела, пережила, забыла.

И так свободно стало… Так хорошо. Так спокойно. Во мне будто второе дыхание открылось и непростой статус матери-одиночки стал переноситься как-то легче и проще.

2.3

А после беременности и родов, что значительно внесли изменения во внешность, я вдобавок, как говорила мама, расцвела. Прибавив в весе, изменив стиль, отрастив волосы ещё длиннее, отрезав чёлку, я вдруг стала ощущать себя так, как никогда раньше не ощущала. Как минимум, богиней и, как максимум, полностью, целиком, от и до *собой*. И это чувство подарило мне ещё больше свободы, женственности, любви. В первую очередь к себе, во вторую от мужчин, от которых отбоя не было, и я от неё не отказывалась, потому что, даже обжегшись единожды, не собиралась запираться в четырёх стенах и ставить на своём счастье крест.

Нет уж. Тамерлан Баграев не заслуживает того, чтобы я никому больше не доверяла и никого не любила. Ходила и хожу на свидания, как миленькая, и с большим удовольствием. Общалась и общаюсь. Влюбляюсь и влюбляю. Конечно, любовь по ощущениям уже далеко не та, которую я чувствовала когда-то к Тамерлану, но меня это даже радует, потому что разве в ней было что-то здоровое и правильное? Да и любовь ли это была вообще? Может, болезнь больше? Сумасшествие?

С мужчинами после него я строю отношения с головой, доверием и уважением, ориентируясь на свой комфорт. Впредь не забываю себя, не подстраиваюсь, не ломаю и не

переступаю через гордость ради кого-либо. Слушаю интуицию, наслаждаюсь каждым моментом и чётко знаю, что хочу от жизни и от своего мужчины, в частности. И как же это классно - контролировать ситуацию и быть той, которую выбирают, которой восхищаются, ценят, уважают, хотят видеть женой и строить семью. Последнее, правда, на данный момент меня интересует мало, хотя такое предложение имеется, я сейчас больше сосредоточена на своей реализации в профессии, карьере и связывать себя браком с кем-либо у меня в планах нет. Пока нет. Именно по этой самой причине я и вернулась сюда, в этот город, разорвав без скандалов и боли отношения с достойным человеком, у которого цели на ближайшее будущее с моими не сходились, а обманывать его, заставлять себя ждать и тратить его время… Разве я имею такое право?

Это удел таких, как Баграев, что считают себя на вершине мира сего. Даже вон, заказ и тот за меня сделал, за дочку заплатил, не спросив.

Ностальгия…

- Почему, Тамерлан? Кто дал тебе такое право?

- Раньше ты его… - кивает на кружку. - Любила.

- А я не про кофе.

Он, конечно же, понимает о чём я и, конечно же, не видит в этом никакой проблемы.

- Она моя дочь.

- Моя, Тамерлан. Моя! И мне решать на какие занятия ей

ходить, сколько времени и за какую стоимость. Ты ей, с какой стороны ни посмотри, никто. Ты её даже не хотел, тогда зачем это всё сейчас?

Неизвестно в какой раз задаю этот вопрос и неизвестно получу на него какой-либо адекватный ответ или нет, потому что Баграев вновь темнеет лицом и чеканит:

- Я о ней даже не знал, как бы я мог её хотеть? Как бы я мог стать ей хоть кем-то, если увидел её мимолётом лишь вчера?

Господи Боже, дай мне сил.

Не разговор, а очередной сюр какой-то! Мы, что, правда из разных измерений или как это ещё понимать?

- Прекрасно, - усмехаюсь. - А о чём ты ещё не знал? О том, что Алана на той базе отдыха не по моей воле оказалась, а по своей из-за Фарада? Или, может, о том, как на следующее утро твоя мать меня с грязью смешала и, оттаскав за волосы, выкинула за дверь? Или как они, придя вдвоём, заявили от твоего имени, что тебе проблема в виде ребёнка от легкодоступной меня не нужна и предложили кучу денег за аборт, не сделав который я бы, как высказалась Сати, оказалась ею уничтоженной. Что конкретно, Тамерлан?

Баграев тоже усмехается, но ломано как-то. С болью. И в глазах всё то же неверие, будто, действительно, впервые обо всём слышит.

- Как сейчас выясняется, кажется, обо всём.

- Не смеши меня. Сати и Алана никогда бы не пошли против тебя.

- Они и не пошли, - кивает. - Просто, кажется, провернули всё за моей спиной.

- Ты сейчас серьёзно? - насмешливо вздёргиваю бровь. - Ты меня за дуру считаешь?

- Нет. За мать своего ребёнка. Дочери, которая почти четыре года прожила без меня.

Сердце неожиданно сбивается с ритма и желание смеяться резко пропадает. Внезапно закрадывается неожиданная мысль “а что если…”. А что если, действительно, не знает? А что если, правда, только вчера, увидев Лале, узнал о своём родительском статусе? А что если тогда ему новость о моей беременности не передали и те деньги на аборт не от него, а от…

Да нет! Это невозможно! Сати бы не позволила себе это… Нет! Она не…

Подношу капучино к губам, невольно хмурясь.

Она была так уверена тогда… И на мой вопрос в курсе ли происходящего её сын ответила, что его слово для неё закон, что она именно по его воле пришла с великодушным предложением от избавления “проблемы”, что они даже не уверены, что этот ребёнок его, но всё равно не остаются в стороне по старой памяти.

Я помню каждое её слово! Каждое! Я не сошла с ума и это…

Это чёртово безумие! Очень злая Баграевская шутка! Очередное издевательство!

Что эти выяснения сейчас могут изменить, гори они синим пламенем?! Зачем они ему? Даже, если всё не так как мы оба считаем, какой теперь в правде смысл?

- Маруся… - зовёт он.

Поднимаю глаза на него.

Мысленно чертыхаюсь.

Лучше бы не смотрела! Лучше бы вчера обошла этот дурацкий супермаркет десятой дорогой. Лучше бы… Лучше бы по-прежнему всем сердцем ненавидела, чем сейчас жалела человека, которого, кажется, предала собственная семья, а он именно так и выглядит. Внешне всё тот же Тамерлан Заурович Баграев - глава влиятельного клана, сильный, жёсткий, непростой человек, что держит в своих руках такую власть, что даже представить страшно её обхваты и специфику, а внутри…

Ты там жив, вообще? Как дышишь ещё? Правдой добить себя хочешь?

- Расскажи всё, - в приказном-умоляющем тоне, не отпуская из зрительного контакта своими обсидиановыми, чужими и в то же время такими знакомыми сейчас, стеклянными от боли. - Прошу.

2.4

- Зачем? Разве ты мне поверишь? Мы только время потеряем. Не легче ли поступить так, как ты обычно поступал, и выбрать свою семью и взять их слова за истину в последней инстанции?

И я не пытаюсь уколоть или отыграться, напоминая о прошлом. Я, действительно, так считаю. Ведь всем от этого будет легче! Мне с Лале, ему, всем остальным Баграевым. Ведь он всегда так поступал, зачем сейчас что-то менять? Ради чего?!

- Ты просила не решать за тебя, тогда почему сейчас хочешь решить за меня?

- Я не пытаюсь решить за тебя, я просто хочу жить спокойно, Тамерлан, как жила все эти почти пять лет.

- Без меня? - спрашивает в лоб, даже не пытаясь скрыть свои эмоции.

А они как яд. Травят и меня за компанию. А оно мне надо? Я своё уже отстрадала. По кусочкам себя собрала. Отпустила, пошла дальше и назад не хочу. Не хочу, ясно?!

- Без тебя, - отвечаю честно.

Глаза в глаза. Как в лобовом столкновении. Мне хоть бы хны, если и задевает, то только так, слегка, по касательной, а он - в щепки. И это ведь только начало!

- И всё же, я хочу знать.

Упрямец! Ну, какой же ты невыносимый упрямец!

И, если не добьётся от меня чего хочет, не отстанет!

Тяжело вздыхаю, ставлю кружку на стол и проверяю время на телефоне.

- У меня в распоряжении сорок пять минут, - снова смотрю на него и выделяю: - Максимум. Потом я уйду, - Тамерлан кивает. - С чего хочешь, чтобы я начала?

- С того, что считаешь нужным.

- Я считаю нужным, вообще, не начинать этот бессмысленный разговор.

Раньше надо было разбираться. Раньше!

- Ласточка…

- Тамерлан, кому это надо? Мне или тебе?

- Хорошо, ты права. Начни с Аланы.

Морщусь, вспоминая, собираюсь с мыслями и…

Рассказываю, как он и попросил, начав с Аланы. С того звонка бывшей лучшей подруги о якобы её нахождении в опасности на базе отдыха за городом и необходимости её оттуда вытащить. Все мерзкие подробности увиденного там с её участием и без упускаю специально, не моё это дело да и столько лет прошло. Смысл эту грязь ворошить? Грязь она в любом случае грязь и белее снега никогда не станет. Продолжаю нашим последним разговором, когда он ясно дал понять, что я и мои слова по сравнению с его семьёй ничто, и последующей за этим встречей с Сати. Пропустив то, как всё это переживала, убиваясь по нему, сразу перехожу на бе-

ременность, его поиски и ту роковую сделку со всё той же Сати. Рассказываю так, словно эти события не ко мне относятся, одними сухими фактами, без эмоций, а Тамерлан… Тамерлан слушает. Меня слушает! Даже не перебивая, представляете?

Маруся Ласточкина из прошлого от счастья бы взлетела, наверное, выслушай он её так, как сейчас ловит буквально каждое моё слово.

Ох, бедная девочка… За что он тебе только встретился тогда, а?

Что мы и кому такого плохого сделали?

Заканчиваю своей аферой с абортом и отчётом куда по итогу дела те деньги. Часть на согласие врача вместе со мной обмануть его мать, небольшую часть на переезд, ещё часть на коляску с прочими детскими вещами, что-то на врачей и роды в платной клинике, потому что беременность протекала непросто и существовало много рисков, на которые я не хотела идти, на восстановление после кесарева, на игрушки, на накопительный счёт для дочкиного будущего, на лекарства, когда она болела, на новую одежду с обувью, из которой Лале очень быстро вырастала, на продукты и сладкую вату летом, на…

- И… - перебивает, будто рассказ про деньги его, вообще, не интересует. - Как ты жила все эти годы? Как… Лале жила?

Старательно игнорируя грудное, ломкое, такое для него непривычное надрывное звучание голоса, честно отвечаю,

даже не пытаясь сдержать не менее искреннюю улыбку:

- Возможно я тебя разочарую, но, по правде говоря, это были лучшие годы моей жизни.

Тамерлан тоже силится улыбнуться и смотреть на это зрелище… Жалко. Невыносимо жалко и трудно. Я этой правдой его словно сломала.

- Теперь всё? - снова смотрю на время и радуюсь, понимая, что уложилась тютелька в тютельку, ещё даже две минуты в запасе осталось. - Разговор состоялся, правду, или что ты там хотел ещё от меня услышать, услышал… Можно со спокойной душой забыть друг о друге на всю оставшуюся жизнь, не так ли? Прощай, Тамерлан. Надеюсь, больше не уви…

Поднимаюсь из-за стола и услужливый персонал с моей шубой наперевес тут же оказывается рядом, но Баграев их будто не видит, вообще, такое ощущение, что кроме меня никто для него в эту секунду не существует, и перебивает одним вопросом:

- А мою правду?

- Что?

- Моя правда… Не хочешь её услышать?

- Нет. Зачем? Чтобы что? К дочери я тебя всё равно не подпущу, что бы там на самом деле не оказалось, поэтому… - спокойно пожимаю плечами. - Оставь её себе. Что нужно было, я ещё тогда, пять лет назад, от тебя и твоей семьи услышала, так что не стоит, уверяю тебя. Я в этом-то… - киваю

взгляд на столик. - Смысла не видела и не вижу сейчас.

Улыбаюсь ему напоследок со всё тем же спокойствием и уверенностью и, порывшись в сумке достаю купюру. Номиналом одной из тех, какими он или его мать, или они оба, уже неважно, заплатили мне за аборт. Не месть, нет, лишь символическая случайность и нежелание, чтобы нас впредь связывала хотя бы стоимость этого не очень, кстати, вкусного капучино.

- За кофе. Всё, мне пора. Всего вам хорошего, Тамерлан Заурович. Повторюсь, надеюсь, больше не увидимся.

Разворачиваюсь и под жгучим, опаляющим затылок и спину взглядом иду на выход. Под ним же забираю довольную проведённым временем и счастливую дочь и, таки умудрившись купить носки с рисунками конфет и отдельно с круассанами, идём домой.

Лале привычно болтает обо всём, просится после обеда выйти погулять на улицу, обязательно позвав с собой Каролинку с Жасмин, и моей некой отстранённости не замечает.

А я, к сожалению, не могу не заметить то, что Тамерлан Баграев, как обычно, слушает только себя и, наплевав на мои слова, также, по своему обыкновению, делает так, как лишь ему удобно. Следует за нами тенью, глаз не спускает, будто боится, что мы в воздухе растворимся, и исчезать не собирается.

На что надеется только? Чего ждёт? Что моя принцесса сейчас развернётся и кинется ему на шею с криком “папоч-

ка!” на всю улицу? Самому-то не смешно?

Хотя, нет. Не хочу знать.

Не хочу! Просто испарись, Баграев! Просто забудь и живи дальше, слышишь?!

Глава третья. Если бы я знал…

3.1

Тамерлан

Смотрю вслед женщине, которую и не думал, что встречу когда-то ещё раз.

Не девчонке, не девочке, не девушке даже. А женщине. Молодой, красивой, сильной, смелой, такой не моей, какой её я опять же не думал, что когда-то увижу.

- Босс… А дальше? Куда? Стоим здесь?

Вопроса не слышу. Смотрю.

Не дышу, но смотрю.

На неё невозможно не смотреть.

Распущенные волосы, шуба, каблуки. Уверенный шаг. Прямая спина. А рядом дочь.

Её дочь. Моя дочь. Наша дочь.

Они идут, держась за руки. Говорят о чём-то, смеются свободно и звонко, живут в своём, лишь для них двоих мире, где…

Где мне нет места.

- Тамерлан Зауров**и**ч?

Жизненный бумеранг, в закон которого я до вчерашнего дня не верил, прилетает не в голову, а сразу в сердце. Рассекает его наживую, полосует, вспарывает.

Напоминает, как тогда…

Тогда для неё - юной, светлой, чистой девочке, подруге

моей младшей сестры, - не нашлось места в моём мире.

Она любила меня, я принимал.

Она хотела быть со мной одним целым, я же хотел обладать, а не принадлежать.

Она мечтала стать для меня единственной, родной, *своей*. Той, кто мне нужен не был.

А теперь… Спустя все эти годы я узнаю, что у неё есть дочь.

Моя копия.

И на обочине, за стенами их жизни, лишний и чужой - я. И время назад не вернуть. Не переиграть.

Это ли не бумеранг?

- Босс?

Толкнув дверь, выхожу наружу. Провожаю их, не спеша приближающихся к подъездной двери, взглядом.

- Мамочка, а мы гулять пойдём? - доносится до меня перезвоном колокольчиков.

- Конечно, пойдём. Пообедаем, немного отдохнём и пойдём. Куда хочешь? На детскую площадку или в парк?

Девочка в ярком, розовом комбинезоне задорно подпрыгивает, заглядывает Марусе в лицо и солнечно улыбается.

Мамина улыбка. Ласточкина.

Я так улыбаться не умею.

- Хочу везде!

- Везде? - смеётся Маруся. - Целый день гулять будем?

- Да! До ночи!

- До ночи я замёрзну, родная.

- А я тебя обниму, согрею и ты не замёрзнешь.

- Если так, то, хорошо, я согласна.

Две женских фигуры - взрослая и ещё совсем маленькая, скрываются за дверью, но я всё равно не могу отвернуться. Ищу глазами знакомые окна. Днём в них, конечно же, ничего не увидишь в отличие от прошедшей ночи, когда Марусины очертания в одном из них видел так явно и чётко, будто она передо мной, как сегодня, на расстоянии шага стояла.

Какой же ты всё-таки стала, Ласточка…

Раньше от её красоты, поистине солнечной, светлой, невинной, неподдельной, ослепнуть можно было, а теперь и подавно.

И дочка… Маруся родила самую красивую и очаровательную малышку в мире.

Лале.

Мою дочь зовут Лале.

Ей почти четыре года.

Неизвестно в какой раз за последние сутки оттягиваю ворот водолазки и, прикрыв глаза, пытаюсь вздохнуть, но не могу.

Не могу.

Дышать не могу. Не слышать Марусины слова в мыслях не могу. Не видеть её и дочь в них же не могу.

На оборотной стороне век со вчерашнего вечера обе отпечатались. Под кожу проникли. В кости вросли в одну се-

кунду.

С первого взгляда.

В том самом магазине, каких по всему городу тысячи, а я почему-то зашёл именно в этот, чтобы купить Дамиру новый конструктор, который продаётся только в этой сети супермаркетов и нигде больше, и который он, как и все мальчишки в его возрасте, увлекающиеся такими игрушками, очень хотел. Зашёл, взял нужное, а у кассы…

А у кассы *она*.

По сравнению со мной совсем крошечная. В этом своём комбинезоне на игрушку похожая. Живая кукла с чёрными, как у меня, глазами во всё личико, трогательно пухлыми щёчками и застенчиво-лукавой улыбкой на губках-бантиках, протягивающая мне шоколадное яйцо в фольге, будто всегда так делала.

Сначала, уловив сходство, подумал, что кажется. От усталости, недосыпа, загруженности. А потом, когда посторонние люди в очереди, тоже замечают, что я и она, едва ли не как две капли воды, казаться перестаёт. И сердце биться тоже перестаёт. Останавливается, пока я, присев перед малышкой на корточки, жадно её изучаю. Смотрю будто в отражение своих тёмные глазища в обрамлении пушистых ресниц и понимаю, что земля уходит из-под ног.

Ведь так не бывает.

Не может ребёнок чужих родителей быть моей маленькой девичьей копией.

Это невозможно.

Но почему-то реальность, что я лицезрел перед собой, утверждает обратное.

3.2

И эта реальность вдруг внезапно, как и появилась перед мной, исчезает, потому что неожиданно приблизившаяся к нам из ниоткуда женская фигура подхватывает её на руки, выбегает из магазина и торопится раствориться в вечерней темноте миражом из прошлого.

Выйдя на улицу следом, вижу как с незнакомки спадает капюшон шубы, как ветер разбрасывает по меху светло-русые густые пряди, как она резко сворачивает в арку дома и узнаю. Узнаю в красивом профиле ту, которую ради своего спокойствия и своей семьи вычеркнул из жизни и забыл. Легко забыл, просто потому иначе в тот момент нельзя было. Либо на стены лезть от вопросов “почему?” и “за что?”, либо сцепить зубы и жить дальше, будто и не знал её. Второй вариант, учитывая за скольких людей несу ответственность, был предпочтительнее. Проще.

Узнаю!

Узнаю в окружающих вокруг домах её район. Узнаю в женской фигуре девушку, которую однажды не смог себе запретить. Узнаю в малышке, которую она несёт на руках и которая называёт её “мама”, себя.

И уже невозможное возможно.

И уже за ними шаг в шаг. И уже телефон у уха, а на другом конце брат.

- Найди, - хриплю сдавленно, стоит ему ответить на звонок.

- Что?

- Маруся. Ласточкина. Всё о ней. Найди.

- Брат…

Аслану эта затея не нравится. Он против. Он осудил меня тогда, узнав о нас, и словам сестры о ней в отличие от меня полностью верить не спешил, но уже было поздно.

- Столько лет прошло, - напоминает недовольно.

- Найди, Аслан, - давлю голосом. - Прошу.

Брат молчит несколько долгих секунд, не скрывая своего отношения, вздыхает и просит дать время, а потом присылает краткое из-за нехватки всё того же времени тезисное досье - место прописки, фактическое место проживания, место работы, семейное положение… Не замужем. Дети… Дочь.

- Мало, - вздыхаю с сожалением, пробежавшись по строкам несколько раз туда и обратно, словно таким образом смогу ответить на свои же вопросы.

- Ты же знаешь, что для большей информации требуется больше времени и ресурсов. Пока это всё, что есть. Наберись терпения.

- Пожалуйста, не тяни. Поторопись.

- С чего вдруг такой интерес к ней?

- Объясню, но не сейчас.

- Тамерлан, давай, не будем к девочке лезть, а? - предпринимает Аслан последнюю попытку меня образумить. - Пусть

живёт спокойно. Зачем ворошить?

Затем, что её малышка моя копия, брат.

Затем, что у неё мои глаза.

Затем, что я ни вздохнуть, ни выдохнуть не могу.

Меня ждут дома, а я во дворе чужого, не в силах отвернуться от знакомых окон, провожу под ними вечер с ночью.

А следом и утро, которое наступает безумно медленно и стрелки часов, обычно бегущие так, словно за ними гонятся, будто замерли. А ещё позже, когда они, наконец, дотягивают до десяти часов до полудня - шестой этаж, её квартира, пальцы в нетерпении на дверной звонок и Марусины ясно-голубые глаза напротив. Напряжённые голые плечи. Уверенный голос, твердящий, что нам не о чем говорить, что её дочь только её и что мне следует забыть увиденное.

Она вроде всё та же и вместе с тем совершенно другая.

Со знакомым внутренним стержнем, характером, упрямством, но со стальным, непримиримым взглядом, бесстрашностью, жёсткостью, которой раньше не было, и почти что безжалостностью в намерениях защитить своего ребёнка.

Не робкая, невинная ласточка, а тигрица, у которой вместо острых когтей - слова, а вместо смертоносных зубов - правда.

И эта правда вгрызается в моё горло с больным удовольствием, смакует мучения, заставляет ею захлебнуться.

Наверное, не увидь я Лале собственными глазами, то не поверил бы не единому Марусиному слову. Ведь моя семья

не могла так со мной поступить. Алана не могла наврать тогда, пять лет назад, подставив её, свою подругу, с которой несколько лет была не разлей вода, и тем самым запустив вереницу страшных, невозвратных событий. Мама не могла опуститься до физического насилия к Ласточке, просто потому что та осмелилась меня полюбить и подарить себя. Они обе не могли предать меня, умолчав о её беременности, прибегнув к угрозам и заплатив деньги за аборт.

Они - мой тыл. Они те, ради кого я всю жизнь рву жилы. Они… Они семья и этим словом будто всё сказано.

Мама. Сестра. Единственные женщины, которые занимают в моём сердце постоянное и неоспоримое место. Ради них я отдам свою жизнь и заберу чужую, а они… Они едва не убили часть меня.

Ради чего? Почему?

За что?

Все эти годы… Ни слова. Ни намёка. Молчание.

Если бы не этот магазин, если бы не Лале, подошедшая почему-то именно ко мне сама, если бы не… Я бы не узнал.

Я бы никогда о ней не узнал!

3.3

Грудь сдавливает тисками.

Морщусь от боли.

Хватаю ртом воздух.

Пытаюсь выпрямить плечи, чтобы вдохнуть его поглубже, но не получается из-за лежащих на них гранитных плит осознания того, что моей дочери уже почти четыре года и всё это время она росла без меня. Я не видел как она родилась, как она впервые улыбнулась, как назвала Ласточку мамой и как сделала свой первый шаг.

Меня этого лишили. Забрали. Свои забрали.

Самые родные… Моё.

Усилием воли заставляю себя открыть глаза, встречаясь с окружающим миром.

Он, оказывается, лживый насквозь. Жалкая дешёвая декорация, в которую я, слепой дурак, с такой лёгкостью поверил.

Как я мог?

Как, дьявол?!

С рычанием, чтобы выпустить разрывающие на части эмоции, со всей дури всаживаю ладонь в железную дверь подъезда, у которого сам не заметил, как оказался. Та, не выдержав обычной физической силы, послушно открывается и никакого магнитного ключа с кодом от домофона не нужно, и

я уже рвусь внутрь, чтобы по тому же самому маршруту, наверх, к девочке, что так солнечно улыбается, и к женщине, что не хочет меня больше никогда видеть, но останавливаю себя в последний момент.

- Босс? - охрана, следующая по пятам вновь хочет от меня что-то услышать.

А я хочу повернуть время вспять и изменить всё.

Переиграть.

Не в одних же маме с сестрой дело, верно? Не разозлись я тогда на Марусю, поверив Алане, не реши, что она по своей воле ушла, не отпусти я её… Хотя бы просто копни чуть глубже тогда, после похорон или хотя бы после того как Аслан пришёл в себя, когда шерстил всех, кто мог бы был причастен к тому аду. Но нет, услышав, что она переехала на другой конец страны, успокоился, приказал себе забыть, а подчинённым искать крыс дальше. И жить продолжил тоже дальше. Совсем не так, как до той нашей последней встречи, конечно, но всё-таки жить, дышать, Дамира растить.

Посчитал, что это даже к лучшему, что наши отношения сошли на нет вот так - быстро и без лишнего. Они и так уже мешали, потому что позволил сам себе и Ласточке гораздо больше, чем собирался изначально. За все границы разумного вышли. Отвлекали и с пути сбивали. Превратились из контролируемого увлечения в срывающую с катушек зависимость, с которой нужно было кончать как можно скорее.

Да и Маруся…

Ушла и ушла. Правильно сделала, подумал я.

Значит, не ошибся, решив после слов сестры, что в ней ошибся.

К тому же не до неё мне было. Не до чувств её. Не до требования взаимности и желания быть рядом.

Грубо? Неправильно? Недостойно для уважающего себя взрослого мужчины по отношению к молоденькой девушке?

Да, ещё как, но тогда я решил, что это не самый мой страшный грех по сравнению с остальным списком, а теперь…

Всевышний, ты именно за неё, Марусю, наказал меня предательством людей, что ещё вчера были роднее всех, и годами жизни во лжи? Поэтому я только вчера увидел свою дочь?

- Босс… Вы нас пугаете… - доносится обеспокоенно от кого-то из парней за спиной.

Резко шагаю назад, плотно закрывая дверь в подъезд.

Ненадёжная. Территория не охраняется. Двор открытый. Кто угодно может заехать и проникнуть внутрь.

А у меня там дочь… Лале.

Лале - моя дочь.

Встряхиваю голову и оборачиваюсь к охране. Они, действительно, встревожены не на шутку.

- Босс?

- Оставайтесь здесь. За женщину с девочкой, которых со мной видели, жизнью отвечаете.

- А вы?

- Ключи от машины, - протягиваю ладонь.

Она дрожит.

Чертыхнувшись, под шокированными взглядами бодигардов сжимаю пальцы в кулак и разжимаю несколько раз подряд, но не помогает.

- Ключи, Рустам.

Старший в отряде мнётся, не желая отпускать меня одного.

- Тамерлан Заурович, давайте другой отряд дождёмся и с ними поедете? Опасно вам одному.

- Ключи, - осажаю его взглядом и он опускает глаза, не найдя в себе смелости перечить.

Протягивает ключи и сразу же тянется за телефоном, чтобы вызвать ребят и себе в подмогу, и мне на хвост, но я это уже не слышу, влетая за руль и сразу же набирая по громкой связи Аслана.

- Да, брат, слушаю, - отвечает он спустя два гудка. - Если ты насчёт Ласточки, то я ещё не ус…

- Быстрее, Аслан! И проверь ещё… - голос срывается. - Были ли у мамы большие финансовые движения на счетах пять лет назад. Тем летом. В… - напрягаю память, остчитывая время назад. - В июле.

- Что? У мамы? Ты… Тамерлан, что происходит? Причём тут она?

- Выясню до конца и расскажу.

Брат, на дух не переносящий меня в таком состоянии,

очень похожим на безумие, матерится сквозь зубы и отключается. Но мне всё равно. Мне нужны подтверждения. Мне нужны факты. Мне нужна чёртова правда!

3.4

Успеваю проехать половину пути, как Аслан звонит вновь.

- Ничего из ряда вон выходящего в то лето не было.

- Понял, - сбрасываю вызов.

Открываю окно со своей стороны, запуская холодный загазованный на трессе воздух.

Маруся говорила, что мама заплатила ей наличкой. И если за оборотом на всех семейных счетах я ещё мог уследить, потому что как не крути, но все они проходили через меня, то вот за наличными нет, а мать почти только ими и пользовалась, игнорируя карты. Утверждала, что ей так проще.

Да, действительно, проще.

Сними она ту сумму с карты, я бы рано или поздно узнал и начал задавать вопросы. Не из-за жадности, а из-за беспокойства, ведь мама, несмотря на наши возможности, продолжала сохранять скромный образ жизни и большие неоправданные траты осуждала. Меня корила, когда ей или сестре дорогие подарки дарил. А за избавление от моей дочери заплатила столько, сколько добрая часть жителей страны никогда в жизни не видела и не зарабатывала.

С мыслями, что Лале могло и не быть, поддайся Ласточка, на угрозы, доезжаю до родительского дома за неприлично короткое время, нарушая ПДД и отрываясь от охраны.

И то, и другое, как правильно подметил Рустам, опасно, но плевать.

Плевать.

Плевать на грязные следы, которые оставляю после зебя, залетев в дом. Плевать на сидящих за столом гостей, якобы своих будущих родственников, прибывших на обед, на котором я обещал матери присутствовать. Плевать на девчонку, сидящую рядом с ней и ждущую от меня кольцо с датой свадьбы.

Я, появившись в столовой, как и был, в верхней одежде и уличной обуви, их не вижу даже. Не замечаю, как у них меняются выражения лиц, как они с опаской переглядываются и настороженно вытягиваются, без труда уловив моё состояние на грани. Просто иду вперёд. К женщине, которой я восхищался, которую боготворил, помня скольким она пожертвовала ради нас всех, и которая… Которая лучше бы открыто пустила мне пулю в висок, чем проворачивала дела за моей спиной, решала за меня нужен мне ребёнок или нет, будет он жить или…

- Тамерлан? - мама удивлена моим столь нестандартным появлением не на шутку, но радости не скрывает. - Сынок, мы тебя заждались! - ласково улыбается, поднимаясь навстречу. - Думали, что ты уже не при…

Стоит мне подойти ближе, как она, приглядевшись к моим глазам, осознаёт, что что-то не так. Бледнеет. Пугается. Лихорадочно ищет в моём лице ответ, а я, смотря на неё в

упор, ищу в ней свой.

Ищу и не понимаю… Не понимаю, как она могла так со мной поступить. Как она, да, далеко непростая, характерная, принципиальная, но родная, любящая нас, своих детей, больше жизни, готовая и, не раз, не два, не три это подтвердившая, на всё для семьи, пошла на это.

Я… Я ведь тоже… Я же всё отдавал и отдаю.

Ничего не жалею. Может, назвать меня идеальным и послушным сыном будет сложно, но это никогда не мешало мне ставить семью во главе всего. Если на одной чаше весов стояли родные, а на второй что-то или кто-то другой, то выбора для меня не существовало. Они априори всегда важнее всего. Дамир, мама, братья, сестра…

Что я сделал не так?

В какой момент допустил ошибку?

Почему за неё должны отчитываться Ласточка с нашей дочерью?

- Брат, ты… - слышу откуда-то со стороны голос сестры.

Поворачиваюсь к ней, сидящей с племянником на коленях по другую от мамы стороны.

- Оставь сына няне, - выдавливаю приказ, не терпящим возражения тоном. - И в мой кабинет.

Её глаза испуганно округляются. Я никогда с ней так не разговаривал. Даже тогда, когда она якобы сбежала из-за Маруси, после чего всё покатилось в тартарары, в горе, в попытке собрать реальность по кускам в одно целое, себе подобно-

го не позволил.

Сестра же. Моя гордость. Девочка, которую я учил кататься на велосипеде и берёг как зеницу ока от этого страшного мира, считая, что так правильно и ей это только на пользу пойдёт.

А в итоге…

Марусе пришлось спасать Лале от неё. Обманывать. Прятаться.

А Мурат… Дамир…

Стискиваю ладони в кулаки до хруста в пальцах.

Будь на месте Аланы, кто-то другой, то шею бы свернул голыми руками, не раздумывая. За каждую секунду жизни своей дочери без меня заставил бы заплатить. За невосполнимую потерю. За Аслана, еле выкарабковшегося с того света. За всю ложь бы от и до спросил, но… Но этого удобного "другого" нет. Некому мстить. Не на ком гнев, изнутри сжирающий, сорвать.

Родные перед глазами.

Я сам перед собой.

И как же…

Как же от этого…

Невыносимо.

Больно.

Очень.

3.5

- Сын…

- И ты, - перевожу взбешённый, больной, свинцовый взгляд на мать. - Немедленно!

- Тамерлан, если ты не заметил, у нас гости. Это не может подождать? - она, привыкшая до последнего держать лицо, натянуто улыбается. - Здесь твоя неве…

- Мне плевать! Я. Сказал. В. Кабинет.

Не дожидаясь, разворачиваюсь и ухожу первым, едва сдерживаясь, чтобы не начать выяснять обстоятельства минувших дней прям тут, на глазах у чужих. Но нельзя. Если о Лале узнают лишние уши, то она может пострадать, а я ещё даже познакомиться с ней не успел. Налюбоваться вдоволь. Осознать до конца, что этот ребёнок - мой. Мой и Марусин. Наш.

Защити её, Всевышний. Убереги. Молю.

В кабинете меня встречает отцовский портрет. Уже привык не задаваться пустыми вопросами из разряда “а если…”, но сейчас не могу удержаться.

Если бы ты был жив, то я бы сейчас был там, где нахожусь? Сходил бы так же с ума от правды? Что бы ты сделал на моём месте?

А мне что сейчас делать?

Что, пап?

Как эти четыре украденных года вернуть и дочери, и Марусе, и себе?

Видел бы ты её…

Нет, видел бы ты их.

Одобрил бы? Понял бы, почему я тогда не смог себе в Ласточке, любви её, нежности отказать? Или, как Аслан, осудил бы?

Дверь за спиной открывается, закрывается и до меня сквозь мысли доносится мамино тревожно-строгое:

- Тамерлан, что происходит? Почему ты в таком ужасном состоянии? Как ты можешь так говорить с…

Оборачиваюсь и она, встретив мой взгляд, замолкает. Сестра жмётся к ней сзади и на меня глаза поднять не решается.

Учтивая какая, надо же.

Ломано усмехаюсь.

- Сынок, да что такое? Не пугай меня! Алана что-то сделала не так? Фарад что-то натворил? Почему ты так смотришь на свою сестру? В чём дело?

Игнорирую её вопросы и, смотря исключительно на младшую сестру, глухо спрашиваю:

- Ты же обманула меня тогда, Алана? Тем летом… Когда из дома сбежала… До свадьбы с этим своим… - проглатываю ругательства, а она наоборот вздрагивает, сжимается вся, прячет лицо за распущенными волосами. - Все те слова о Ласточке были ложью?

Тишина. Звенящая. Душащая. Уже говорящая о многом, но я не её хочу услышать. Мне нужны слова. Оправдания. Подтверждение или наоборот опровержения. Всё, что угодно, кроме молчания.

- Не молчи, если не хочешь стать вдовой, Алана.

Давно руки чешутся к тому же. Этот ублюдок… Надо было сразу, когда ещё за благословением пришёл, его на тот свет отправить.

- Тамерлан! - ахает мать.

Сестра вскидывает глаза, в которых стоят слёзы.

Сердце болезненно сжимается.

С такими же слезами она тогда бежала ко мне, жалуясь на Марусю, а чуть позже Маруся, тоже плача, пыталась до меня достучаться, только её слезам на эмоциях я не поверил.

А теперь…

Зажмуриваюсь, выдыхая, и с нажимом повторяю:

- Говори, Алана. Сейчас же! Не заставляй меня…

- Я не сделала ничего плохого! Я просто… Просто испугалась и…

- Соврала или нет?!

- Я… Я… Всё не так! Тогда…

- Ты же была с ним, да, тогда? С Фарадом? Не Маруся тебя на ту базу отдыха затянула, а ты её?

- Она… Я не помню, Тамерлан. Правда, не помню. Это же уже всё в прошлом! - тараторит, всхлипывая. - Но я не делала ничего плохого! А вот она… Это она меня обманула,

когда с тобой была! Строила из себя ангела, меня осуждала, а сама! Перед тобой хвостом крутила, перед Тахаевым. Ты только вспомни! Вспомни, как она себя вела! Да она… Она мне завидовала, вот, и поэтому к тебе в постель залезла! Чуть мне всё не испортила! Ещё и Фараду угрожала, когда нас в том домике увидела! Специально от тебя забере…

Мама резко оборачивается, зажимает ладонью ей рот и рявкает с рычанием прямо в лицо:

- Замолчи, глупое ты создание!

Но поздно.

Мне и этого вполне достаточно.

Хотя лучше бы всю обойму меж глаз. И не им, а себе.

Чтобы не было так убийственно тошно.

Глава четвёртая. Туманность Бумеранга

4.1

Тамерлан

- Сынок, не слушай её! Азат всю ночь не спал. Твоя сестра не выспалась и теперь несёт всякую чушь. Ничего из того, что она сказала, не было, - мать, старательно пытаясь справиться с эмоциями и при этом продолжая закрывать плачущей Алане рот, наигранно улыбается. - Никогда.

Но в её глазах паника. Будто наблюдая за незнакомым, чужим человеком, я смотрю как она лихорадочно ищет выход из ситуации, как неестественно выпрямляет плечи и гнёт губы в улыбке, что больше похожа на гримасу.

Смотрю и не узнаю, ощущая как в который раз за последние сутки земля из-под ног исчезает.

Была опора и нет её.

- Твоего рукоприкладства тоже не было? И за дверь ты Марусю не выгоняла? А потом, я так понимаю, за аборт не платила и меня все эти годы не обманывала своим молчанием?!

К концу фразы срываюсь на ор, но не стыдно.

Больно.

Мама, за что ты так со мной?

Жёстко провожу ладонями по лицу.

Они всё ещё дрожат. И что мама, что сестра это замечают.

- Сынок…

- Отвечай! - рявкаю снова во весь голос. - Хватит врать! Вы за кого меня обе держите?! Вы кем себя возомнили?! Кто дал вам право распоряжаться жизнь моего… МОЕГО, будь оно всё проклято, ребёнка?!

- Не смей повышать на нас голос! - уходит в оборону мать и, отпустив Алану, укоризненно тыкает в меня пальцем. - Ты со своей матерью и сестрой разговариваешь, а не с какими-то левыми девками!

- Скажи спасибо, что я только это делаю! Не будь вы теми, кем являетесь, то я бы даже разговаривать не стал. В порошок бы стёр!

- Тамерлан, да как тебе…

- А тебе? А тебе?! Тебе нормально жить так?! С мыслями о том, что ты собственными руками избавилась от моего ребёнка? Нормально, мама?! Совесть не мучает?!

- Не мучает.

Застываю, ошарашено смотря на неё и ощущая, как внутри что-то обрывается.

Разбивается.

Умирает.

А она, словно этого не замечая, продолжает как ни в чём не бывало:

- Не мучает, сын, потому что мы семья. Твоя семья. А семья друг друга защищает. Всегда, независимо от обстоятельств и любыми методами. И именно это мы тогда сделали - защитили тебя.

Обхватываю руками голову, не в силах поверить в то, что слышу.

Не мучает… Семья… Защитили…

Мир перед глазами плывёт и я крепко зажмуриваюсь, лишь бы только его не видеть, и перед глазами сразу возникает образ дочки.

Маленькая, здоровая, счастливая.

Её же могло не быть… Поддайся Ласточка угрозам… Лале не было бы.

- Та девка… Вспомни, как она себя вела. Как она специально с твоей сестрой подружилась… Как втёрлась к нам в доверие… Думаешь, это всё просто так? У неё же изначально был такой план - войти в нашу семью, заслужить расположение, а потом соблазнить тебя, отлучить от нас и, принеся в подоле, заставить тебя либо жениться на себе, либо вытрясти побольше денег. Помня о её поведении, о том, как она крутила хвостом перед каждым встречным с намерением получше устроиться, я до сих пор сомневаюсь, что тот ребёнок был твоим. Да и даже если это всё-таки не так… - в материнском голосе презрения, цинизма и хладнокровия столько, что у меня внутренности сводит судорогой. - Она же испорченная, чужая, не нашей крови и нашего круга. Недостойная тебя, легкомысленная, грязная потаскушка. Ну, какой от неё ребёнок, сын? Разве с такой матерью у него был шанс на то, чтобы стать достойным членом нашей семьи?

Сам не замечаю, как срываюсь с места, вперёд, к ней с

одним намерением - заставить пожалеть о каждой букве в этих мерзких словах.

Алана визжит. Мама же стоит, как стояла. Царственная осанка, решительный взгляд, спокойная поза.

Знает, что не трону.

Никогда. Как бы не хотел переступить через свои принципы, семейные узы, память… Не смогу.

И я останавливаюсь в двух шагах от них взбешённым раненым зверем, готовым выть от безысходности.

Преданный.

Сломленный.

Стараниями своих же… Своих!

- За-мол-чи, - выдавливаю хрипло, сквозь ком в горле, прожигая её воспалёнными глазами. - Не. Смей.

- Сынок, я понимаю, ты сейчас на эмоциях и тебе кажется, что мы совершили что-то ужасное по отношению к тебе, но… Это не так дорогой. Не случись тогда… - она аккуратно подступает ко мне. - Сам знаешь… У тебя было горе. Скажи мы тебе о ней, ты бы не смог трезво оценить всю ситуацию и риски. Мы взяли эти риски на себя… Точнее я взяла. Твоя сестра… Она сама на тот момент не осознавала многое из-за своего положения и была не в себе, узнав, что эта… Девица, назовём её так, использовала её и их дружбу ради своих целей.

- Да, так и было! - отчаянно принимается кивать головой Алана, принимая на себя вид оскорблённой невинности. -

Я сразу ей сказала, чтобы она даже дышать в сторону моих братьев не смела, а она взяла и перед тобой ноги раздв…

- За собой следи! - обрываю, резко поворачиваясь к ней. - Ты… Ты что сама делала, а? Трахалась с этим своим выродком-мужем… - грубо хватаю её за руку, указывая на обручальное кольцо. - А потом передо мной целый спектакль устраивала! Лгала! Ради чего? Ради чего, Алана?! После… После всего! Ты понимаешь, что, если бы не ты, то… То… Хотя бы каплю вину и стыда ощущаешь?! Мурат… Аслан… Он же твой брат!

Сестра краснеет и пытается вырвать ладонь, вот только мне самому настолько мерзко от вскрывшихся подробностях о членах своей семьи, что я, поморщившись, отбрасываю её сам.

4.2

- Тамерлан, не горячись…

Мать тянется ко мне прикоснуться, чтобы успокоить, но, видя с каким выражением лица смотрю на сестру, осекается.

- Дорогой, пожалуйста, давай успокоимся, хорошо? Выдохнем… Эмоции схлынут и ты поймёшь, что я действовала в твоих интересах. Только в твоих! Я мать, Тамерлан, и готова на всё ради своих детей. Ради тебя. Мой долг - тебя, вас, всю мою семью защищать. В конце концов, я это обещала твоему отцу перед его уходом! Оберегать вас, любить, всегда быть на вашей стороне и ставить ваши интересы превыше всего остального. Я делала это всю жизнь, делаю и буду делать дальше.

- Твой долг? - усмехаюсь. - Отцу обещала?!

Сейчас эти слова воспринимаются исключительно как злая насмешка. Издевательство. Шанс сделать мои раны ещё глубже, который она не собирается упускать.

- Да, и ты сам теперь отец. Разве бы ты не сделал то же самое ради Дами…

- Не сделал бы. Я бы не заставил его проходить через всё это… Я бы не предал его.

- Мы тебя не предавали!

- Да, вы просто заплатили денег, чтобы убить моего ребёнка, а потом молчали почти пять грёбаных лет! - снова сры-

ваюсь на крик, из-за чего меня наверняка слышно по всему дому.

- Тише! - мама оглядывается на дверь. - У нас в гостях Малика с роднёй! Что будет, если они услышат?

- Какая, к дьяволу, Малика?! Ты, вообще, слышишь меня?!

- Тамерлан, не кричи, прошу. Я прекрасно тебя слышу, а вот ты меня, судя по твоей реакции, нет.

Она, будто мне десять и я не хочу делать уроки, строго хмурит брови, демонстрируя недовольство, и удручённо качает головой.

- Откуда ты, вообще, обо всём узнал? Хотя это уже неважно… Столько лет прошло… Что случилось, то случилось. Сделанного всё равно не вернуть, как бы ты сейчас на нас не злился, поэтому нужно забыть этот эпизод и жить дальше.

- Как ты…Как ты могла, мама? - голос ломается. - Как ты сейчас можешь говорить мне такие слова?!

Не знаю что хочу услышать ещё, ведь уже прозвучало столько, что неизвестно как теперь после этого жить.

Как Ласточке в глаза смотреть? А дочери как?

Как… Как мне сейчас, вообще, к ней приблизиться?

Даже если Маруся подпустит… Как мне их защитить от чужих, если свои не бьют даже, а уничтожают без предупреждения и полностью уверенные в своей правоте?

- Я просто всегда выбираю свою семью, сын, только и всего, - произносит так, будто это всё объясняет и ей прощает.

Качаю головой, понимая, что бесполезно.

Она уверена в своей правоте и до сих пор не видит в своих действиях ничего ужасного, а я в щепки.

Нутро раскурочено. Реальность наизнанку. А ухватиться не за что, не за кого.

Есть лишь одно осознание:

- Тогда я не хочу больше быть твоей семьёй.

И оно не спасает меня нисколько.

Только хуже делает, но иначе…

Нельзя больше иначе. Теперь у меня точно выбора нет. Раньше был, но я сам от него отказывался. Считал, что есть ради кого, что они достойны. По факту же…

Зря.

Всё пережитое, все старания, жертвы… Впустую.

- Тамерлан, дорогой, прошу ещё раз, давай не будем горячиться… - мама, не ожидав, округляет в шоке глаза, бледнеет, вновь предпринимает попытку ко мне прикоснуться. - Ты не можешь не быть моей семьёй. Ты мой старший сын. Ты мой первенец. Ты… Ты для меня всё! Я…

Поднимаю по-прежнему дрожащие руки, останавливая её.

- Я всё сказал, - отрезаю со сталью в голосе и давая понять, что это окончательное моё решение. - Узнаю, что вы обе приблизились ко мне, к детям или к Марусе, то больше ничего выяснять не буду. Не заставляйте меня переступать черту.

Больше не в силах оставаться с ними в одном доме и даже просто дышать одним воздухом, иду к двери, чётко для себя понимая, что больше в этот дом не вернусь. И их на свой порог не пущу. Больше не совершу те ошибки, которые стоили мне слишком многого и за которые я теперь никогда не смогу расплатиться.

- Та… Сынок, подожди! Что значит “дети”? Не уходи, объясни… Ах, сердце!

- Брат, маме плохо! Стой! Помоги!

Не слушая, хлопаю дверью и иду на выход.

Не верю. Ни единому слову не верю.

Меня пытается остановить кто-то тахаевских гостей, что-то в спину мямлит Малика, охрана, стоит только выйти на улицу, шокированно отшатывается, но я снова ничего из этого не замечаю.

Дышу надсадно.

Сдыхаю. Просто изнутри сдыхаю.

И в таком состоянии садиться за руль - чистое самоубийство, только хочется поскорее оказаться подальше отсюда. Всё равно где, главное не здесь, и, выжав из тачки максимум, мчу куда глаза глядят.

Жаль, что от себя так не сбежишь. И от слов этих… От признаний, которые услышал… Тоже.

Семья… Долг… Выбор…

За что? За что? За что?

Чем мой ребёнок виноват? А Маруся… Ей-то за что что?

За то, что осмелилась меня полюбить? Если мать с Аланой сейчас, передо мной, не стеснялись в выражениях, то что она выслушала тогда? Сколько вытерпела? Беременная, испуганная… Одна. Пока я… Как ей силы хватило выстоять?

Как?!

Почему я… Почему поверил не ей? Зачем отпустил? Ну, зачем?!

Ещё предъявлял сегодня что-то… К ответу призывал. И тогда… Тоже.

Да я на её месте после всего, что сделал и наговорил, сейчас бы себя заживо похоронил.

4.3

Впрочем я что-то подобное и ощущаю, когда снова нахожу себя под окнами Ласточкиной квартиры. Живым мертвецом.

- Гуляли сначала на детской площадке во дворе, потом пошли в сквер через дорогу, - отчитывается охрана. - Сейчас уже часа три внутри.

- Одни?

- Да.

- Всё это время?

- Да.

Ты же не замужем, Маруся, да? И не собираешься же, да? Не хочешь же Лале другого отца найти?

Знал бы я…

Если бы я знал!

Откидываюсь затылком на подголовник.

Стемнело, а в их окнах свет. Такой тёплый, уютный, домашний.

Как Ласточкин взгляд, когда в первый раз её увидел. И ещё робкий очень. Застенчивый. Заворожённый. Она тогда, появившись на дне рождении Аланы, где сестра представила её своей подругой, так смущалась. Переживала. Волновалась, оглядываясь на наших гостей, а потом смотря на себя - яркую, нарядную в своём лимонного цвета платье, прико-

вывающим взгляды, и выбивающейся из общей в основном тёмной палитры.

Ей казалось, что она не вписывается, а я ловил себя на том, что не могу от неё отвернуться.

Ни в ту встречу, ни в другую, ни в последующие.

Слишком она… Другая.

Совершенно другая по сравнению с теми, кого я привык видеть вокруг себя. Только всё никак понять не мог, в чём же отличие. В национальности? Это очевидно даже банально внешне, но далеко не первично. Поведением? Может быть, только ничего вызывающего и крайне необычного в её манере себя вести не было. Всегда уважительна, скромна, добра, приветлива, дружелюбна. Алана, казалось, в ней души не чаяла, пыталась успеть за её любознательностью и трудолюбием, везде за собой таскала, не желая расставаться, и все уши прожужжала какая же её Ласточка потрясающая и как ей повезло с ней подружиться. Внутренним содержанием? Да, уже ближе к правде. Впервые видел молодую девушку, которая, мало того, что пробивалась в этой жизни самостоятельно, так ещё и при этом умудрялась сохранять позитив, бодрость духа, мечтательность и делилась своей светлой энергией со всеми, не жалея себя.

В моём же мире за женщинами всегда кто-то стоял. Отцы, братья, мужья, сыновья. Им не нужно было бороться за своё благополучие самостоятельно. Они, за редким исключением, не стремились к сверх чего-то, что уже имели и до-

вольствовались той ролью, которую им на протяжении веков прописывали наша культура с традициями. Взять к примеру ту же Алану, которая с детства росла горячо любимой младшей дочерью и сестрой целого клана, и знала, что ей не нужно ни о чём беспокоиться, потому что за неё побеспокоится кто-то другой. У Маруси же была только мама и она сама. И у меня в голове не укладывалось как у неё получалось при таком раскладе справляться с трудностями, решать проблемы, обеспечивать себя и при этом продолжать так солнечно улыбаться.

Я не мог её за это не уважать. Не мог не восхищаться силой и стержнем в молодой девчонке, когда порой у взрослых мужиков ни того, ни другого не находилось. Вопреки здравому смыслу и принципам не мог не желать эгоистично присвоить все эти солнечные улыбки себе и не замечать как эта девочка в меня влюблена.

Хотя, наверное, Ласточке казалось, что она свои чувства мастерски скрывает. Так старательно она тогда мне выкала, по имени-отчеству звала, смешная, на расстоянии старалась держаться, а саму глаза её, ясно-голубые, как летнее небо, чистые, искрящиеся жизнью и молодостью, с головой выдавали.

А меня к этому свету в них тянуло с такой силой, что сам не осознавал до конца масштаб этой проблемы.

Впервые в жизни, понимая, что нельзя, что слишком много между нами “но”, что это просто неправильно, недостойно

и некрасиво лезть к едва ли не единственной за всю жизнь подруге младшей сестры, делал всё ровно наоборот. Сам с собой торговался. Пытался выяснить почему именно она так цепляет, а потом искал черты внешности и характера в других, находил что-то по отдельности, а удовлетворения всё равно не получал.

Как маленький ребёнок, что, увидев желанную игрушку на витрине, не мог больше играть в те, которые уже имел.

Всегда считал, что умею владеть собой и следовать правилам с запретами. Благодаря контролю и своему казалось железному самообладанию, я дело отца внутри семьи удержал, защитил её, когда надо было, братьям с сестрой в своём лице опору дал. А тут какую-то девчонку на одиннадцать лет младше из головы выкинуть не мог, словно Всевышний волю с характером испытывал.

Не Ласточка, а аномалия. И притяжение это между нами тоже из ряда вон. Отклонение. Мания.

И я не справился с ним.

Не смог отказаться.

4.4

Решил, что могу себе позволить. Всю Ласточку, без остатка. Чувства её, внимание, восхищение, нежность, время, а ещё, как выяснилось позже, невинность.

Хотя на первенство в данном вопросе не рассчитывал даже. Глупо это было, она же из другой системы ценностей, другой культуры и взглядов, а я её себе не в жёны брал, как бы цинично и по-потребительски это не звучало. Я просто хотел быть с девушкой, к которой магнитом тянуло, и, последнее, о чём задумывался, это о её целомудрии. Знал, что она вроде не из тех, кто готова с каждым встречным в постель лечь, и уже этого на первый раз было достаточно. Ещё, дурак, не верил, когда она говорила, что на свидания не ходит, подумал, заигрывает или стесняется правду сказать, а потом…

Поздно стало, когда добрался до неё, когда вкус её ощутил, сладкий, дурманящий, с ума сводящий, когда на деле удостоверился, что она мне, действительно, всю себя без оглядки отдала.

Потом вовсе не смог от неё отказаться.

Маруся так сильно любила, доверяла, никого, кроме меня не видела, отчего и меня самого вело не на шутку, хотя эти понятия мне совсем не близки. Стоило только её увидеть, рядом ощутить или заметить, как кто-то хотя бы просто на её

внимание, не говоря о большем, посягает, то всё, кровь сворачивало и собственностью бешеной крыло. Себя не узнавал. Желал обладать ею всецело, а взамен давал только то, что был готов дать.

Тогда мне казалось, что это равносильный обмен, что ей этого должно хватить, чтобы быть рядом и не просить большего, что она понимает, что, если всё-таки станет недостаточно, то нам придётся "нас" закончить. Всё же изначально было предельно ясно. Я не тот для неё, она не та для меня. Ну, и что, что ведёт обоих друг от друга? Разве это веское основание для выбора в её пользу, когда на другой чаше весов семья? Разве это стоит кардинального изменения убеждений, взглядов, мировоззрения, что со мной с рождения?

Да, моя вина в том, что не остановил себя, когда надо было, а когда всё в один миг усложнилось и превернулось с ног на голову, посчитал, что сейчас-то, после всего, точно получится поступить правильно.

Развлёкся и хватит.

Получил же желаемое? Получил.

А теперь нужно отпустить, даже если нужда в этом больше из головы идёт, под грузом обстоятельств и горя, а не от души. Тем более, если она сама захотела уйти. А она же захотела… То смс-сообщение… В нём всё было предельно ясно.

Горько усмехаюсь.

Нет, отец бы точно осудил.

И кто после этого испорчен, мама, а? Кто кого недостоин?

Она меня или я её?

Разве во всей этой ситуации не она от меня в защите нуждалась?

Почему всё наоборот произошло? Почему?!

Со стоном несколько раз бьюсь затылком о подголовник, но за рёбрами болит гораздо ощутимее и сильнее.

От вины, сожаления, ярости, тоски, изнутри раздирающих, тянет волком взвыть.

Если бы я знал, Ласточка.

Если бы я тогда не…

Прежде чем успеваю подумать, вытаскиваю телефон, нахожу номер, который мне отправил Аслан, и набираю, глядя на окно.

Первый гудок. Второй. Третий. Четвёртый.

Ответит или…?

- Алло? - с подозрением на вызов с незнакомого номера.

На фоне Марусиного голоса слышатся какие-то уютные шорохи, мяукание кота и отголосок детского смеха, что отзывается во мне дрожью.

Чем они сейчас заняты? Обычной вечерней уютной рутиной? Ужинают? Чем? Что обсуждают? Им не холодно?

А то вечером похолодало. У меня здесь, внизу, под их окнами, в одиночестве и темноте, по ощущениям и вовсе как в той самой холодной области Вселенной, о которой недавно читал с Дамиром. Эта область зовётся как туманность Бумеранга и температура там всего на градус выше абсолютного

нуля. Символично, не правда ли?

- Алло? Слушаю вас!

Ком перекрывает горло.

- Они все подтвердили, - сдавленно хриплю без приветствия.

Тишина в пару секунд для осознания и до меня доносится недовольный вздох.

- А, Господи, это ты… - цокает языком она. - Кто что подтвердил, не поняла? О чём ты?

- Твои слова. Они всё подтвердили. Мама… Алана… Они…

- Прекрасно, - прерывает со смешком. - Сочувствую тебе, конечно, но мне-то это знать для чего? Я же сказала, что бы там ни оказалось в итоге, просто забудь и исчезни.

- Ласточка…

- У меня такое ощущение, что мы на разных языках весь день говорим. Серьёзно, сколько можно одно и то же по кругу обсуждать? Я вроде тебе прямо всё сказала, Тамерлан.

Её тон звенит раздражением и усталостью, а мне… Мне уже это как награда.

- Давай встретимся.

4.5

- Чтобы что? Дай угадаю, поговорить?

- Да. Нам нужно обсудить… Решить…

- Нам? - новый смешок. - Баграев, если бы не знала тебя, то подумала бы, что ты пьян, но, нет, ты просто надо мной снова издеваешься. Давай поступим так, ты делаешь мне одолжение и стираешь мой номер, поверь, я не хочу его из-за тебя менять, а потом…

- Нет.

- Ты ещё даже не дослушал!

- Нет, Ласточка, - вновь неосознанно давлю и ставлю перед фактом. - Я не буду стирать твой номер. Не буду забывать. Не буду исчезать. И жить без вас дальше, как ни в чём не бывало, не буду.

Наверное, нужно как-то иначе. Мягче. Хитрее. Спокойнее. Не так в лоб и нахрапом, но не умею иначе. Некому деликатности учить было. Всегда брал своё, не мешкая и не расшаркиваясь, а сейчас… Как сейчас быть? Когда до моей дочери рукой подать, а у меня морально и формально нет права даже на этом самом месте стоять и в окна Ласточкиной квартиры смотреть, как?

Ещё и слушая Марусино шумное возмущённое дыхание, невольно тревожащее воспоминания. Как же она сейчас на меня злится…

- Да ты…! - начинает она со всем негодованием, которое сейчас испытывает, но вдруг проглатывает ругательства.

И в следующую секунду я понимаю почему, так как совсем рядом с Марусей раздаётся удивлённое и звонкое:

- Мамочка, а это кто? Кого ты ругаешь?

Лале…

Чуть не роняю телефон из ослабевших пальцев, не ожидав её услышать вот так чётко, словно она в шаге от меня.

Её тонкий голосок разливается под кожей мёдом, плавит во мне что-то, чьё существование в себе я раньше не замечал, переворачивает всё на сто восемьдесят градусов и вместе с тем будто расставляет по местам.

И опора, которую всё это время, с утра, узнав правду, не ощущал, нашлась в миг да ещё крепче и твёрже, чем та, прежняя.

Не сломить её. Не разрушить. Меня не лишить.

Не позволю.

- Никто, родная, - обрубает Ласточка. - Беги к себе. Завтра в садик, помнишь? Выбери себе наряд с вечера, пожалуйста, я сейчас подо…

- Никто - это мо…ма… как их… ну те… манники, да? - продолжает любопытствовать дочь, забавно и мило коверкая слова.

- Мошенники?

- Да!

- Да, Лале, детка, ты права. Ещё какие мошенники! Ни

стыда, ни совести у них нет!

Последняя фраза озвучена явно персонально для меня и я не могу удержать ломаную улыбку, хотя после “никто” чуть повторно телефон не выронил.

Оказывается, это чертовски больно, когда являешься никем для тех, кому, по своим же собственным понятиям, должен быть всем.

- Уухх, какие хулиганы! - пародируя маму, негодует малышка, а потом с хитрецой предлагает: - Давай на них бабушке пожалуемся?

- Да что ты, по таким пустякам бабушку беспокоить, я просто их в чёрный список закину и…

- Я под твоими окнами, - прерываю их милую беседу. - Если мы не решим о разговоре сейчас, через звонок, я поднимусь к вам и будем решать лично. Мы, мошенники без стыда и совести, не гордые да и терять нам нечего. С дочкой заодно меня познакомишь. Рано или поздно это всё равно случится.

Маруся молчит и эта тишина громче всех грубых слов и оскорблений, которые я, безусловно, заслуживаю.

Потом шумно, кажется, едва сдерживая рык разъярённой тигрицы, старательно спокойно просит Лале всё-таки уйти к себе и, видимо, стоит ей остаться одной, отрывисто мне бросает:

- Завтра. В мой обеденный перерыв, уверена, ты уже в курсе в какое он время. В кафе через дорогу от моего офиса. Опять-таки, уверена, найдёшь.

И скидывает вызов, вновь оставляя меня в моей личной туманности Бумеранга одного.

Хорошо… Завтра. Надо теперь как-то дождаться завтра. И я дождусь.

Сразу пишу ассистентам расчистить график под Марусин обед для нашего разговора, не переживая о том, повлияет это как-либо на дела или нет и сколько важных встреч, которых всегда предостаточно, придётся отменить или перенести.

А следом, стоит мне заблокировать смартфон и поднять глаза к окнам, в котором отчётливо вижу очертания женской фигуры, он снова оживает.

Няня Дамира.

- Да?

- Тамерлан Заурович, добрый вечер. Простите за беспокойство, просто Дамир интересуется… Ему вас ждать или…?

С силой сжимаю ладонью затылок, наблюдая за тем, как Ласточка, видимо, увидев мою машину, резко закрывает окна шторами сначала в одной комнате, а потом в другой.

Не хочу от них уезжать… Не хочу упускать из вида. Боюсь. Не хочу снова быть на расстоянии, но…

- Да. Я скоро буду, - вздыхаю. - Через час.

- Хорошо, поняла, передам ему.

Чтобы доехать от дома девочек до своего мне понадобится минут тридцать-сорок. Двадцать на то, чтобы ещё посидеть здесь и… Просто представить, что я там, с ними, в од-

ном помещении. Придумать, как завтра уговорить мать своего ребёнка позволить мне быть рядом. Как ей рассказать… Как признаться в том, в чём до сих пор признаться ни себе, ни кому-либо другому сил нет.

Двадцати минут, естественно, не хватает, но и Дамира больше оставлять на такой долгий срок нельзя. Конструктор же ему купил вчера… Он ждёт. И ему тоже надо как-то о сестре рассказать. Или рано? Может, сначала лучше самому с Лале познакомиться? Да, наверное, так будет правильно. Только… Когда это случится? Маруся же может не позволить… И правильно сделает, наверное. Но что тогда делать? Не войну же за дочь с ней разворачивать, верно?

- Здравствуйте, Тамерлан Заурович, - здоровается уже лично няня, когда я заглядываю в детскую, и поворачивается к Дамиру, валяющемуся на полу и занятому строительством железной дороги. - Дамирчик, посмотри кто приехал…

Глава пятая. Чужой (не) навсегда

5.1

“Я на месте”

Провожу взглядом по уведомлению и раздражённо переворачиваю смартфон экраном вниз.

На месте и на месте. Молодец какой. Пунктуальность - наше всё, да, Тамерлан Заурович?

На целых семь минут раньше приехал, а вот я похвастаться таким качеством, по крайней мере сегодня, не могу, так как совещание ощутимо затягивается и в положенный ему час явно не закончится. Но это не мои проблемы. Я, вообще, не понимаю зачем нам вновь видеться и неизвестно по какому кругу обсуждать одно и то же. И, ладно мне, до кафе, где я назначила встречу, от офиса всего лишь нужно дорогу перейти, к тому же в отличие от него в моём владении не находится полгорода, если не больше, и нет такой бешенной занятости, но Тамерлану-то, с его положением, очевидно не так просто вырваться в разгар рабочего понедельника да ещё и в другой район ради бессмысленного разговора. Хотя, по правде говоря, озвучивая вчера место и время встречи, о его занятости я не думала совершенно и исходила исключительно из своего комфорта. Мне было всё равно приедет он или,

как это постоянно бывало раньше, выберет дела поважнее, только бы перестал угрожать знакомством с дочкой, а он взял и приехал.

Написать ему что ли с просьбой сделать заказ за меня, чтобы по приходе не ждать, а сразу пообедать?

Задумчиво скашиваю глаза на телефон и, мысленно фыркнув, снова смотрю на затянувших своё выступление коллег.

О чём я? Это же Баграев. Его и просить не надо. Снова всё за меня решит.

Наверное, кто-то другой бы воспринял такое поведение как заботу или знак внимания, мне же это отдаёт душком контроля и проявления власти, чем ещё несколько лет назад была сыта по горла. Понимаю, конечно, что подобное у Тамерлана в крови и ожидать чего-то другого от человека его статуса и привычек глупо, но… Пусть над семьёй своей властвует! Я-то тут причём?

И, да, сейчас я сама себе противоречу, но мне можно, ясно? Сегодня понедельник, в конце концов, и этим всё сказано. А ещё вдобавок к нему - первый день цикла, совещание на совещании и, как обычно, горящие дедлайны.

Как говорится, беда не приходит одна.

Но ничего, не страшно, и не с таким справлялась. Помнится, после выхода из декрета, которого по факту как такого не было, потому что всю беременность и до Лаленых полутора лет работала удалённо, и хуже бывало. Всё-таки дети,

помимо абсолютного счастья и неоспоримой любви, это ещё и куча проблем разной степени тяжести, решение которых делает из тебя, по меньшей мере, супермена. Причём даже не спрашивая, хочешь ты им становиться или нет. У тебя, матери-одиночки с единственной поддержкой в лице самой лучшей на свете мамы и бабушки, просто нет такого выбора. Ты должна справиться. Должна.

И я справилась. Правда, справилась.

Моя дочь растёт здоровым, счастливым и ни в чём не нуждающимся ребёнком. Я, пусть и было очень тяжело, смогла параллельно материнству построить карьеру, самореализоваться и стать той, кем всегда хотела стать. Успешной, умной, красивой молодой женщиной, которая, если захочет и горы может свернуть, не оглядываясь при этом постоянно в прошлое и доказывая свою ценность с важностью не кому-то, а самой себе.

Сидя в декрете, я, мало того что училась быть мамой, так ещё и умудрилась вдобавок к красному диплому окончить курсы, повышающие квалификацию, по своей профессии, что дало существенный плюс к моему резюме и положению на рынке труда. Компания, в которую мне ещё когда-то помог попасть Баграев на практику, не захотела меня отпускать, даже после известия о моём переезде на другой конец страны, и просто перевела меня в свой дальневосточный филиал, сохранив почти все условия, где я и проработала все эти годы. Сначала удалённо, потом, когда Лале под-

росла и пошла в ясельки, по смешанному графику, а в последнее время и вовсе полноценный рабочий день в офисе. В ней я прошла путь от стажёра до заместителя руководителя отдела и сейчас уже сама метила в руководители, ради чего и переехала обратно в этот город. В дальневосточном филиале все руководящие должности были заняты, я же из своей должности рядового сотрудника давно выросла и вышестоящим начальством мне было сделано предложение - переезжаешь обратно, занимаешь вакантную должность заместителя, а после года-пары лет работы в ней жди повышения до руководителя и перевода в Москву, где уже, конечно, совершенно другие перспективы для развития и карьеры.

А я что, дурочка, чтобы отказываться от таких возможностей? Конечно, нет, и вот она я, пройдя конкурс на свою нынешнюю должность (да, да, да, пришлось за неё побороться и даже не через постель, представляете?), сижу здесь, на совещании, а через дорогу от офиса меня ждёт мужчина из прошлого, общение с которым в моих планах на переезд не было. Вообще, была почти уверена, что мы не увидимся, слишком разного полёта птицы, но судьба распорядилась иначе.

Или всё-таки злой рок?

Ой, да всё равно как это называется! Просто нужно от него побыстрее отделаться и жить свою прекрасную жизнь дальше. Всё просто. Вот только сейчас окончания совещания дождусь и…

- Коллеги, на сегодня всё, спасибо. Всем хорошего дня, -

оповещает директор и устало откидывается на спинку кресла, пока мы стройным рядком выходим из конференц-зала и разбредаемся по разным сторонам - кто в туалет, кто покурить, кто к себе в отделы.

Я, спустившись на этаж ниже к себе в кабинет, чтобы накинуть шубу и захватить кошелёк, уже хочу пройти к лифтам, как меня останавливает всё тот же директор в компании ещё двух своих замов.

- Мария Викторовна, вы на обед? Составите нам компанию?

Мужчины улыбаются с заметной долей не только рабочего интереса во мне как в коллеге и пробегающие мимо нас девушки с контейнерами в руках из hr-отдела по направлению к столовой с намёком друг с другом переглядываются, что у меня невольно вызывает желание рассмеяться. Готова поспорить, что к вечеру весь офис будет мыть мне кости и гадать с кем же из них я всё-таки сплю. Ну, а чем ещё заниматься обычному корпоративному сотруднику, кроме сплетен, не так ли?

- Да, Павел Андреевич, на обед, только компанию, к сожалению, составить не смогу, - возвращаю им улыбку. - У меня встреча. Поэтому в следующий раз.

- Обязательно, ловим вас на слове, - начальство задорно мне подмигивает и галантно пропускает в приехавший лифт первой.

- Да, да, попрошу секретаря внести это в свой график, что-

бы точно не забыть, - разливается соловьём наш финдир.

- Вы же в “Чехов”? - интересуется глава юристов и, дождавшись моего кивка, ставит в известность: - Тогда мы вас проводим.

Смотрю на них по очереди с улыбкой и отказываться от сопровождения не спешу. Вместе веселее всё-таки да и опять же нужно ведь коллегам дать повод для сплетен. А то с кем меня только не свели за эти месяцы после перевода сюда, а по факту, кроме вот таких вежливых бесед с вкраплениями интереса ко мне как к женщине, я большего не позволяла, хотя, конечно, шуму своим появлением в офисе наделала не мало. Молодая, красивая, умная, свободная, хваткая - как с таким набором меня не заметить и нет-нет да не попытаться сблизиться ради хотя бы простого понимания кто я такая, с чем меня есть и почему вышестоящее начальство из Первопрестольной столь ценит мои заслуги. Про намерения некоторых просто подкатить и закрутить интрижку я и вовсе молчу. Ну, а что? Все мы люди, все мы человеки. Работа работой, а личная жизнь по расписанию. Во мне, правда, это мало откликалось и я больше пользовалась повышенным к себе интересом, чтобы прощупать почву и наладить связи, чем реально намеревалась перевести его в какую-то другую плоскость.

И вне офиса желающих скрасить мой досуг хватает, если уж на то пошло.

5.2

Перевожу взгляд на своё отражение в зеркале лифта.

Ни дать, ни взять офисная штучка в деловом костюме бежево-коричневого цвета в клетку, состоящем из жакета свободного кроя, юбки карандаша с ремнём, как акцент на талии, и топа с вырезом молочного оттенка. Волосы убраны в низкий пучок, в ушах, на шее и запястьях с пальцами сверкают золотые украшения. На ногах сапожки в тон наряду на высоком каблуке. Макияж в стиле ухоженная естественность.

Красивая, что тут скажешь.

Обожаю себе нравиться. Взгляды окружающих - это, конечно, приятно, но, когда смотришь на себя и не можешь не признать свою эффектность, уже совсем другое дело. Самооценка сразу до небес взлетает и даже понедельник с задержкой совещания уже не вызывает столько негативных эмоций как ещё десять минут назад.

Хотя перспектива встречи с Баграевым, конечно, этот момент восполняет собой с лихвой.

- Здравствуйте, - приветствует нашу компанию хостес на входе в кафе и неожиданно с извиняющейся улыбкой перекрывает путь к залу. - Прошу прощения, но наше заведение закрыто на спецобслуживание и мы не сможем вас обслуживать. Мне очень жаль.

Мои спутники с удивлением переглядываются, так как за

всё время их работы здесь данное кафе работало столько же, всегда им было радо, уже зная всех чуть ли не по именам, и никакого спецобслуживания в помине не было. Я же недоумённо хмурюсь и тянусь за телефоном.

Если здесь спецобслуживание, то где тогда Тамерлан? Он же написал, что уже на месте. Или… Это спецобслуживание из-за него что ли? Точнее, ради нашего с ним разговора?

- Меня зовут Мария, - говорю наобум. - У меня здесь сегодня назначена встреча.

Девушка мгновенно меняется в лице, предлагает разместить мою шубу в гардероб и, во всеуслышание заявив, что меня уже ожидают, хочет сопроводить к столику.

Ну, конечно, чего и требовалось ожидать.

Вздыхаю и под ещё более удивлёнными взглядами начальства прощаюсь с ними до завершения обеда, а потом следую за хостес.

Тамерлан сидит в гордом одиночестве посреди зала, лишь охрана уже хорошо знакомыми живыми статуями замерла около выхода, и больше вокруг никого. Как обычно, красивый, брутальный, собранный, недоступный и в своём репертуаре, потому что стол заставлен до отказа, словно не одну меня ждал, а весь наш офис.

- Привет, - здороваюсь первая и сажусь напротив. - Задержалась из-за совещания, извини.

Он привычно окидывает меня взглядом - пронзительным, цепким, откровенно-присваивающим. Затем впивается им в

лицо, изучает въедливо, давит этим своим чисто мужским вниманием, то ли заявляя что-то, то ли претендуя.

- Ты пришла не одна? - спрашивает в лоб, не разменяваясь на приветствия.

Я усмехаюсь и берусь за вилку. Цезарь с креветками сам себя не съест, в конце концов, а он в этом заведении вполне себе достойный.

- А ты вынудил меня сюда прийти только ради того, чтобы узнать это?

- Нет.

- Тогда ближе к делу, Тамерлан. Мой обеденный перерыв не бесконечный.

Мужчина слегка наклоняет голову, как будто пытаясь понять моё настроение - огрызаюсь я, злюсь или просто вредничаю, потому что могу себе позволить. На самом же деле просто озвучила очевидное, так как мой обед, действительно, не резиновый и последнее на что мне хочется его тратить, это на разговор с ним. Особенно в таком претензионно-требовательном тоне.

Он мне муж что ли, чтобы я ему отчитывалась? Может, ещё, как раньше, всех мужчин в своей телефонной книжке по первому его приказу в чёрный список перенести? Самому-то не смешно?

- Ласточка, я… - он подаётся вперёд и, серьёзно смотря в глаза, произносит: - Прости. За всё.

Медленно прожёвываю креветку, не разрывая нашего зри-

тельного контакта, и прислушиваюсь к себе. А внутри… Ничего.

Ни облегчения, ни радости, ни злорадства. Мне больше не больно. Хотя ещё года три назад я, пережив из-за него и его семейки личный маленький ад, за свою реакцию на эти слова, абсолютно искренние, кстати, не ручалась бы.

Я так его ждала тогда. В беременность и после. Ненавидела, злилась, проклинала, но, чёрт возьми, ждала, чтобы услышать извинения, на которые имела полное право. Потом поняла, что хочу жить, а не тратить время на злость на людей, которые не заслуживают ни одной секунды моей жизни. Теперь же…

Теперь просто киваю и продолжаю есть. Утром позавтракать не успела и сейчас не до душевного стриптиза, если честно.

- Я понимаю, что слова не искупят мою вину и вину членов моей семьи перед тобой. Но я хочу, чтобы ты знала, что я, правда, прошу у тебя и Лале прощения и сделаю всё, чтобы его заслужить.

- Не стоит, ладно? Уволь меня от этих обвинений-прощений и прочей моральной бессмысленной возни. Ты хотел правды - ты её получил. Мне вот это всё… - взмахиваю рукой. - Не нужно и я тебе уже об этом говорила, поэтому давай не будем сотрясать воздух просто так.

- Если бы я тогда знал… - Баграевская броня из высокого статуса, власти и внешней неприступности спадает и я вновь

вижу того мужчину, который, узнав как всё было на самом деле, не скрывал передо мной своей боли. Теперь к ней прибавляется ещё и вина. Чудовищная и неподъёмная. - Сейчас всё было бы иначе, ты же, знаешь это, да, Ласточка?

- Как иначе? - вздыхаю и откладываю вилку, так как понимаю, что поесть, пока он на меня так смотрит, вряд ли удастся. - Хотя, знаешь, нет, не отвечай, мне уже не интересно. То, где я сейчас, меня вполне устраивает и…

- А меня нет. Я хочу воспитывать своего ребёнка.

Даже так, да? Ммм, как интересно, а как, самое главное, мне на этот факт плевать.

Раздражённо веду плечами, чувствуя, что начинаю заводиться.

Я вот тоже много чего хочу и что теперь?

И тогда, пять лет назад, тоже хотела. Его любви хотела, доверия, внимания. Выбора в свою пользу. Не лежать на той койке в больнице под презрительным взглядом Сати после “аборта” хотела. Когда Лале родилась и в мою жизнь пришли бессонные ночи, мечтала о сне и хотя бы паре минут отдыха в тишине. Но увы и ах, ничего из этого я не получила, потому что жизнь - штука жестокая и сколько в подушку не вой, а от половины из своих самых заветных желаний пришлось отказаться.

Так почему на его желания после всего пережитого я должна соглашаться и бежать их исполнять, забив на своё спокойствие и спокойствие дочери? Я на дуру что ли похо-

жа? Что за бред?

- На каком основании?

- Я её отец.

- Напоминаю, ты ей никто, - отрубаю жёстко, возвращая его с небес на землю этой простой истиной.

5.3

Чёрные глаза напротив тяжелеют, темнеют, демонстрируют ярое со мной несогласие, но мне опять же плевать.

- Я о ней не знал, - цедит зло, наклоняясь ко мне ещё ближе. - Мне никто ничего не говорил о ней. Я не знал о тебе, я не знал о ней, я не знал, что делает моя мать. Я НЕ ЗНАЛ!

- И? Это что-то меняет?

- А разве нет?

Не сдержавшись, нервно смеюсь. Кажется, он, правда, во мне дуру видит. Прекрасно. Значит, начнём упражнение заново.

- Нет, Тамерлан, не меняет, - тоже подаюсь вперёд и, чётко проговаривая слова, не особо их выбирая, объясняю на пальцах: - Захоти ты меня тогда хотя бы выслушать, не то что поверить, ответь ты тогда на мои звонки, не исчезни ты, в конце концов, то вот это бы поменяло, но ты исчез, ты просто вычеркнул меня, послал, откровенно говоря, и ИСЧЕЗ! - повышаю голос для пущего внушения. - Неужели ты думаешь, что после того, что я благодаря тебе и твоей семейке пережила, я допущу тебя к Лале? Я похожа на сумасшедшую? Как ты представляешь себе то, как я ей о тебе расскажу? Милая, твой папа мной попользовался, а когда я ему надоела, избавился от меня, и сам исчез, а теперь снова появился, заявив, что он на самом деле белый и пушистый и его обманули? Ты

в своём уме, вообще? - возмущённо восклицаю, окончательно дав волю эмоциям. - Думаешь, я буду травмировать своего ребёнка ради такого как ты и ради пары месяцев, или на сколько там тебя в этот раз хватит, отцовства?

Звенящая тишина накрывает нас толстым куполом. Воздух искрит. Кажется, одно неверное движение и всё вокруг полыхнёт неконтролируемым лесным пожаром. Пообедала, называется!

- У меня была причина! - выдавливает с рычанием, буравя меня мрачным, пылающим праведным гневом взглядом и сжимая ладони, лежащие на столе, в кулаки.

- У всего есть причина, Тамерлан. Это один из законов этой вселенной.

- У меня была причина исчезнуть!

- Прекрасно, вот и оставь её себе!

- Маруся! - рявкает яростно и хочет ещё что-то сказать, но я резко перебиваю:

- Она ничего не изменит, Тамерлан! Ты ничего не изменишь! Смирись ты уже с этим! - хлопаю ладонью по столу. - Хочешь участвовать в жизни дочери? Хорошо, поучаствуй своим отсутствием и сделай тем самым её счастливой! Поверь мне, у тебя это отлично получается! Она счастлива благодаря этому!

Баграев шумно вздыхает. Опасно играет желваками. Наверное, если бы мог, то сейчас в пепел бы меня превратил или, как раньше, в преданного и слепо обожающего его ще-

ночка, вот только это уже невозможно.

Больше той Маруси Ласточкиной, которая была ради него готова на всё, нет. Нет! И власти его над ней тоже нет. Я её из себя тем океаном слёз по нему и из-за него вытравила. Выжгла. С корнем вырвала.

Так что катись ты, Тамерлан Заурович, в…

- А ты случайно Лале с собой не путаешь? - вдруг выдаёт он.

- Что? - не ожидав такого вопроса, переспрашиваю непонимающе.

- Я понимаю, Маруся, у тебя есть обиды и претензии ко мне, но не нужно думать, что Лале на меня тоже обижена и…

В шоке смотрю на него, хлопая глазами и не веря в услышанное, а потом, спустя пару секунд, наконец, осознав, откидываюсь на спинку стула и заливаюсь смехом в голос.

Обиды? Претензии? Серьёзно? Мне не послышалось?

Хохочу на весь пустой ресторан, из-за чего мой смех гуляет по пустому залу эхом, отражаясь от различных поверхностей и заставляя сатанеть сидящего напротив мужчину ещё больше.

Наверное, со стороны выгляжу как умалишённая, но мне, правда, очень весело.

Это же надо… Он, что, действительно, думает, что я до сих пор в него…?

Ох, Боже, ну, какие же эти мужчины всё-таки дети, считающие, что весь мир крутится вокруг них! А ещё других

детей рвутся воспитывать!

Еле как успокоившись, качаю головой и, поднявшись со своего места, пересаживаюсь на соседний стул. Теперь между нами нет стола, лишь расстояние в сантиметров двадцать и почти пять лет из разочарования, ненависти, усталости и в конце закономерного стирания из мемори во благо себе любимой.

С улыбкой заглядываю ему в лицо, беззастенчиво вторгаюсь в личное пространство, придвинувшись почти впритык, и кладу свою ладонь рядом с его ладонью, так, чтобы почувствовать жар кожи друг друга, при этом не касаясь.

И во мне эта невинная игра ничего, кроме небольшого азарта с весельем не вызывает. Сердце от его близости с ума не сходит. Голову не кружит, заставляя забыть обо всём. Кровь слегка вскипает, но это, наверное, по большей части из-за остатков старых воспоминаний и пылающих во мне сейчас эмоций. А в остальном я полностью контролирую ситуацию и от реальности, как раньше, не отрываюсь, без вести пропадая в его глазах.

В отличие от самого Тамерлана, который реагирует на мою близость в эту же секунду.

5.4

Глубоко вздыхает, втягивая аромат моего парфюма. Скользит жадным, беспроглядно чёрным взглядом по лицу, шее, ключицам и ниже. Невольно двигается навстречу, сокращая расстояние ещё сильнее, и теперь уже я чувствую знакомый мужской запах, от которого когда-то теряла голову, что слегка, лишь на одно мгновение сбивает с толку, вызывая кучу, просто огромное множество картинок в мыслях разного откровенного содержания, но получается и их взять под контроль.

И от напряжения пространство между нами уже не просто искрит, а трещит, идёт по швам, не выдерживая, грозясь полыхнуть на самом деле. Вот только я с некоторых пор поумнела и этими стихийными бедствиями, к которым обычно приводило наше притяжение, сыта по горло.

Налюбилась. Настрадалась. Наболелась им вдоволь.

Не хочу больше ничего от тебя, Тамерлан. Ни обижаться, ни что-то требовать, ни тем более мстить.

А вот у тебя, кажется, по мне до сих пор не отлегло… Нет, не кажется. Так и есть. Я же не слепая. Иначе бы давно стал говорить по-другому и на этот небольшой перфоманс не повёлся бы.

Забавно как, надо же.

- Обиды, претензии… Тамерлан, ты кем себя для меня

возомнил? - спрашиваю вкрадчиво, не переставая улыбаться. - Думаешь, мне есть до тебя дело? Думаешь, не подпуская к дочери, я тебе мщу? - снова качаю головой, не веря, что мне приходится озвучивать, казалось бы на первый взгляд, очевидное. - Как бы это грубо не прозвучало, но мне на тебя плевать. Мне на тебя просто плевать и мне плевать веришь ты этому или нет. Я просто хочу, чтобы ты не беспокоил ни меня, ни мою дочь. Мою! Чтобы ты не стоял под моими окнами, не звонил мне, не задавал вопросы о том, что тебя давно уже перестало касаться, и не смотрел так, как смотришь сейчас. У тебя ни на что из этого нет права. Поэтому, повторяю неизвестно в какой раз, смирись, постарайся забыть и живи себе спокойненько дальше.

Поднимаюсь на ноги, разрывая близость и зрительный контакт.

- Спасибо за компанию. На этот раз надеюсь, что точно больше не уви…

Тянусь к кошельку, но хриплый, густой голос предупреждает:

- Если сейчас заплатишь, как тогда, то на работу ты сегодня не вернёшься, Ласточка.

Оглядываюсь на него со смутным подозрением того, что… Да, не шутит. Абсолютно серьёзен. Смотрит так, будто сожрать готов вместо нетронутых блюд на столе, и этот явный факт, который Баграев даже не пытается скрыть, щекочет нервы.

И что мы в таком случае, интересно, будем делать? В кабинете запрёмся что ли и опробуем очередной стол на прочность? Ха! Похоже я немного перегнула с демонстрацией того, что мне всё равно.

Ну, что ж, ладно, меру знать тоже нужно.

- Плати сам, пожалуйста, - пожимаю плечами и, взяв свои вещи, разворачиваюсь, чтобы уйти. - Не забудь стереть мой номер телефона.

Иду на выход, чеканя шаг, и, оказавшись на улице, подумываю о том, успею я что-нибудь перехватить в нашей столовой или там уже пусто и стоит задуматься о доставке, но мужчина, который раньше с такой лёгкостью исчез из моей жизни, а теперь с диким, неуправляемым напором пытался вернуться в неё обратно, вновь возникает передо мной, возвышаясь и преграждая путь. На плечи накинуто пальто, в руках держит внушительный пакет с символикой кафе, во взгляде непоколебимая решительность с никак не желавшим утихнуть опасным огнём.

Я, не успев и шага сделать, со стоном вздыхаю и закатываю глаза.

- Тамерлан, ты глухой?! Услышь меня уже! Исчезни!

- Нет, это ты меня услышь, я не исчезну. И, чем раньше ты это поймёшь, тем легче будет для нас обоих и тем быстрее Лале узнает о…

- Лале не узнает, - обрываю, устав от этой возни и повторения одного и того же по десятому разу. - Не. Узнает. Ни-

когда. Я этого не допущу.

Баграев упрямо поджимает губы, всем видом показывая, что он другого мнения и протягивает мне пакет.

- Ты толком не ела. Возьми.

- Спасибо, обойдусь.

- Мне вместе с тобой зайти в офис и проследить, чтобы ты поела?

Шутки шутками, но сейчас мне это всё уже начинает сильно надоедать. Он, правда, глухой? Или специально меня из себя выводит?

- Тамерлан… - начинаю предупреждающе.

- Заодно расскажу тебе свою правду, которую ты так не хочешь слышать. Совместим приятное с полезным.

Да, он издевается. Снова!

Открываю рот, чтобы послать его вместе с его правдой, упрямством и всем остальным прямо туда, где, считаю, ему быть самое место, не думая при этом о приличиях и цензуре, но приходится проглотить ругательства, потому что замечаю приближающихся к нам троицу, с которой выходила из офиса. Директор с остальным начальством не спускают с нас глаз и явно прислушиваются, а слухи о связи с Баграевым, неважно в каком качестве, последнее, что мне для счастья нужно.

Чтоб тебя!

5.5

Раздражённо вырываю пакет и, понизив голос так, чтобы меня услышал лишь Тамерлан, проговариваю:

- Ты начинаешь меня напрягать, Баграев.

Он усмехается одним уголком губ, продолжая смотреть на меня безотрывно.

- Сочту эти слова за то, что ты не против продолжить этот разговор в другом месте и в другое время.

- Лучше посчитай их за пожелание, наконец, не появляться в моей жизни!

- Я позвоню, Ласточка.

Едва сдержавшись от того, чтобы не запустить этим самым пакетом в него, обхожу по дуге и направляюсь к пешеходному переходу, ощущая уже привычный за эти несколько дней после столкновения с ним прожигающий взгляд в спину.

- Мария Викторовна, вы уже пообедали? - равняется со мной директор.

Вместе со спутниками тоже шарит по мне глазами и я глубоко вздыхаю, призывая себя к спокойствию, чтобы не сорваться на них за это выходящее за рамки субординации внимание и пошатнувшегося из-за Баграева душевного равновесия. Последнее, конечно, к ним никак не относиться, но… Они все мужики! А все мужики что? Правильно! Оди-

наковые!

- Да, пообедала, - киваю с нейтральной улыбкой, молясь светофору, чтобы тот поскорее загорелся. - Как ваш обед прошёл? Получилось найти достойное место?

Мужчины пускаются в рассказ о том, как они замечательно пообедали в кафе на соседней улице и что в следующий раз обязательно мне его покажут, раз есть договорённость составить на следующем бизнес-ланче друг другу компанию. Делаю вид, что мне очень интересно и что прямо сгораю от нетерпения осуществить эту затею как можно скорее, а сама нервно кручу ручки пакета в пальцах.

И Баграев… Не уходит, чтоб его! Как стоял, так стоит, пялясь и похоже слыша каждое наше слово!

И мне по большей части всё равно, пусть думает что хочет, но… Бесит! Очень сильно бесит! Всё бесит! Он, болтливое любопытное начальство, пакет этот тяжёлый в руках и, самое главное, его настойчивость с намерением во что бы то ни стало влезть туда, где его уже давно, чёрт возьми, не ждут!

А я этого всего не хочу! Не хочу! Спокойствие своё хочу, а всё остальное нет, нет и ещё раз нет!

Я шла сегодня к нему с чётким намерением ещё раз прямо сказать, что в его участии в наших с дочкой жизнях не требуется и для всех было бы лучше оставить всё как есть, а в итоге… Как попугайчик одно и то же по кругу твержу, ей-богу!

Ещё эти извинения его, просьба выслушать, желание свою

правду донести, а мою признать… Оно мне это всё зачем? За-чем? Ради чего? Справедливость установить? Но я и так знаю, что я права, что моя правда - это правда, а не фарс, устроенный его матерью пять лет назад. Мне дополнительной уверенности, а тем более чьего-то подтверждения, в этом не надо и доказывать больше никому и ничего не собираюсь.

Прости, говорит, за всё!

И что мне теперь? Что?! От счастья что ли запрыгать? Забыть как умирала по нему, как едва Лале сохранила, как все эти годы заново жизнь выстраивала? Сделать вид, что ничего не было?

Куда эти извинения спустя пять лет, извиняюсь, засунуть?!

Воспитывать он хочет, в жизни дочери участвовать, отцом себя считает! Не знал он ничего! Причина у него была исчезнуть!

Лале, что, игрушка какая-то что ли, а я шутка? Можно забить на всё - на наши чувства, на наш устоявшийся уклад жизни, мир и гармонию, и, когда захочется, появляться, потом исчезать, и через годы всё заново?

В Баграевых, что, совсем ничего святого не осталось?

Злюсь весь день, прокручивая его слова с действиями в голове раз за разом, и злюсь на себя за это ещё сильнее. Потому что не могу, просто не могу успокоиться и выдохнуть.

Всколыхнул что-то внутри этот дурацкий разговор. Заце-

пил.

Вдобавок ещё и дочь, насмотревшись на других девочек в своей группе, которых забирали папы, пока я её собирала, всю дорогу до дома восторженно об этом щебетала.

- Алиса мне сказала, что её папа очень добрый. А Софа, что они с папой вместе занимаются зарядкой по утрам, представляешь, мамочка? Я сказала, что мы с тобой тоже зарядку всегда делаем и показала что мы делаем! А Лизин папа ездит на воооооот… - дочь раскинула ручки в сторону. - Таком велосипеде!

Последнее услышать я не ожидала и, кинув взгляд на цифры на светофоре, оборачиваюсь с удивлением к ней:

- Велосипеде? Зимой?

Лале хмурится, вспоминая слова приятельницы. Сводит тёмные брови к переносице, морщит свой вздёрнутый носик, вытягивает пухлые губки и у меня от этого невероятно милого зрелища в очередной раз тает сердце.

Такая она у меня куклёнок! Как же я её люблю! Больше всех на свете! Больше жизни!

И как его к ней допускать? Ну, как?! Она же такая тактильная, чуткая, эмоциональная, добрая, а Тамерлан… Бог с ним, нашим прошлым, дочка к тому, что и как между нами было, отношения не имеет, но Баграев же всё равно остаётся Баграевым. Властным, не щедрым на слова, любящим контроль и послушание, слышащим только себя и свою семью, к которой мы с ней не имеем никакого отношения. Что с ней

будет? Как она себя будет чувствовать рядом с ним? Страдать, когда он в момент, когда она будет в нём нуждаться больше всего, пройдёт мимо? Тоже, как я когда-то, ждать его любви и всеми силами пытаться её заслужить? Быть среди его родственников, считающих её себя недостойной, и терпеть ужасное отношение?

Я не могу этого допустить. Просто не могу!

Тамерлан же ей, в отличие от него умеющей любить и это проявлять, сердце разобьёт своими исчезновениями, выборами кого угодно, но не её, молчанием вместо хотя бы банального “ты мне очень дорога”! А если Сати ей что-нибудь сделает или скажет? А Алана? А Мадина, в конце концов?!

Я своему ребёнку не враг и зла ей не желаю. Себя когда-то от них уберечь не смогла, то Лале от них обезопасить просто обязана! Не позволю им уничтожить её свет. Никогда.

Тогда… Что делать? Как заставить Тамерлана держаться от нас подальше? Снова бежать на другой конец страны? А не много ли чести? Нет уж! Я на этот раз поборюсь. Сейчас у меня сил точно хватит.

Так что придумаю что-нибудь. У меня всё равно другого варианта нет. Главное, его от дочери на расстоянии держать и…

5.6

Стоит мне только об этом подумать, как, едва заехав во двор, на глаза попадается знакомая фигура, стоящая на том же самом облюбованном ранее месте, собирая удивлённо-настороженные взгляды, возвращающихся домой соседей. И я их прекрасно понимаю. Баграев в нашем среднестатическом районе со своим очевидно люксовым авто и отрядом охраны, мягко говоря, из общей картины выбивается. Ещё и вид с энергетикой у него такой, будто всё в округе ему принадлежит, а мы на чужую территорию залезли без спроса.

Глубоко вздыхаю.

Я спокойна… Я спокойна… Я спокойна…

Если не подавать вида и не акцентировать внимание, то Лале его и не заметит. Она сейчас мысленно уже вся в гостях у Каролинки или у нас дома играет с Жасмин да с Барсиком, нетерпеливо крутится в детском кресле, торопясь выбраться, и вслух по моей просьбе декламирует очередной выученный стих, который ей нужно будет завтра рассказать воспитательнице для подготовки к утреннику в честь двадцать третьего февраля. А мне именно это и нужно.

Выхожу из машины, достаю наши вещи, саму дочку и, крепко ухватив её за руку, иду к подъезду. И если Лале, действительно, полностью сосредоточена на себе и мне, то вот Тамерлан замечает нас сразу.

Встречает сначала мой взгляд - жёсткий, непримиримый, откровенно его посылающий, потом скользит по мне своим, всё тем же тёмным, тяжёлым, властным, цепляется за дочь и такое ощущение, что даже дышать перестаёт. Застывает, каменеет лицом, смотрит на неё, не моргая, жадно, словно никого и ничего больше не видит. Расстояние между нами внушительное, но я почему-то всё равно чувствую, будто до сих пор друг на друга настроены, как его внутри потряхивает, как тянет, как одновременно верится и не верится картинке перед глазами. Как давит грудь и хочется сделать вдох, но не получается. Как в голове пусто, а впереди она - маленькая, смешная, похожая на него как две капли воды и при этом понятия о его существовании не имеющая. Для Лале он незнакомец, которого она даже не замечает. Чужой. И это…

Это, судя по чёрным глазам, больно.

Невыносимо больно.

С трудом сглатываю и неосознанно тяну дочь к себе ближе.

Моя она, Тамерлан, видишь? Моя!

Он, с трудом оторвав от неё глаза, вскидывает их на меня и вдруг резко шагает вперёд.

Нет! Не вздумай даже!

Резко качаю головой, запрещая.

Слышишь?! Я против! Стой там!

И, о, чудо, сам Тамерлан Заурович Баграев, извечный упрямец, привыкший отдавать приказы, а не подчиняться,

слышит меня в первый раз в жизни и слушается.

Останавливается, будто на невидимую преграду набежал.

Снова замирает, даже не пытаясь скрыть насколько ему это тяжело даётся и как нестерпимо хочется поступить иначе.

От неожиданности я сама едва не врастаю в землю и шагаю вперёд скорее на автомате, чем осознанно, потому что…

Мне не показалось сейчас? Он, что, действительно, сделал как я хотела? Услышал меня? Почувствовал? Я не сплю? Это реальность?

Сердце пропускает удар.

С ума сойти можно!

Всё ещё не веря в происходящее, распахиваю перед дочкой подъездную дверь, мы заходим внутрь, но ощущение его пристального взгляда на нас не пропадает даже там, будто сквозь стены видит и точно знает по какой именно ступеньке мы шагаем.

Вечером снова не уходит, продолжая сидеть в машине во дворе, а ночью я принципиально не подхожу к окнам, зачем-то ожидая звонка, ведь говорил же, что наберёт, и уже готовлю долгую, гневную речь, чтобы он оставил нас в покое, но тишина.

Вечером тишина, ночью, утром…

И в пору бы порадоваться, но я только сильнее напрягаюсь, потому что мне отчего-то не по себе. Лале это чувствует, капризничает и собирается в садик ещё дольше, чем обыч-

но, из-за чего едва успеваю вовремя приехать на работу. Там всё-таки заставляю себя выдохнуть, перестать думать, о чём не надо, и сосредотачиваюсь на делах, которых, как обычно, бесчисленное множество. Благо, это хорошо помогает взять себя в руки и расслабиться. Наконец, забываю о вчерашних происшествиях и живу, что называется, в моменте. Общаюсь с коллегами, решаю рабочие вопросы, переписываюсь в свободное время с подругами и с мамой, а потом уезжаю на встречу с клиентом, которая затягивается и приходится вновь идти на обед гораздо позже, чем я планировала. Конечно, должность позволяет мне самой распоряжаться своим временем, не сидеть в офисе 24/7, при необходимости и вовсе в нём не появляться и о взбучке за опоздание можно не переживать, но в голодании приятного мало.

Забегаю в первый попавшийся на пути приличный ресторанчик и уже предвкушаю как отведаю какой-нибудь вкусный горячий супчик да выпью кофе, но на полпути до моего столика до меня неожиданно доносится поражённо-возмущённое и не без доли презрения:

- Это она! Она!

Сначала не придаю этому значения, мало ли кто там кого увидел и кто кому эти странные выкрики адресовал, и продолжаю идти своей дорогой, как меня резко хватают за плечо и дёргают назад, вынуждая развернуться.

- Что проис…

Договорить не успеваю, потому что встречаюсь взглядом

со знакомыми большими тёмно-карими глазами, которые видела в последний раз всё те же почти пять лет назад.

Алана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.